4м
к 66

Н. Г. Корлэтяну

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ

Н. Г. Корлэтяну

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ

Кишинев
«Штиинца» 1983

81.2 Мол
К 66

Данная книга представляет собой краткий исторический очерк, в котором автор показывает этапы формирования и развития молдавского языка от его начала в первом тысячилетии нашей эры и до сегодняшнего современного состояния. Особое внимание уделяется тесным взаимосвязям с восточнославянскими языками, в результате которых молдавский язык приобретает все больше специфических черт, возникших на основе определенного синтеза романо-славянских языковых элементов.

Анализируется также состояние молдавского языка на современном этапе, когда в условиях НТР важное значение имеют формирование, унификация, стандартизация научно-технической и общественно-политической терминологии. В этом, и во всех других отношениях, молдавский язык идет в ногу с развитием всех национальных языков Советского Союза.

Рецензент — профессор И. П. Чорный.

К $\frac{4602010000-152}{М755(12)-83}$ Без объявл.

© Издательство «Штиинца», 1983 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Не может быть, дорогой друг, чтобы ты не услышал по радио или телевидению, на концертах чудесное лирико-драматическое сопрано Марии Биешу, не присутствовал на представлениях замечательного ансамбля танца «Жок» (художественный руководитель — Владимир Курбет) или фольклорного ансамбля «Флуераш», руководимого маэстро Сергеем Лункевичем. Наверняка ты читал изумительные сказки Иона Крангэ или глубоко философские стихотворения Михаила Эминеску, переведенные на многие языки мира!

Научные труды о Молдавии крупного ученого, бывшего члена Берлинской академии Дмитрия Кантемира, 200-летие со дня смерти которого по решению ЮНЕСКО было широко отмечено во всем мире в 1973 г., написаны многие на латинском языке и переведены и на немецкий, и на русский, и на французский, и на английский [11].

В XV веке о ратных подвигах Стефана IV, Великого, господаря Молдавии, известного всему миру своими победами над ордами Оттоманской Порты, восхищался Римский папа Сикст IV, который писал Стефану: «Дело, совершенное тобой с такой мудростью, и храбрость против неверных турок, наших общих врагов, принесли славу твоему имени, все говорят и хвалят тебя» [12, с. 141].

Выдающийся русский историк и писатель Н. М. Карамзин характеризовал «Стефана IV, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II, и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшего свое имя в истории редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастии...; он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое» [13, с. 174—175].

К. Маркс в своих черновых записях упомянул «храброго молдавского господаря», имея в виду Стефана Великого [7, с. 157].

Во всех перечисленных случаях используется прилагательное *молдавский* (молдавский ансамбль, молдавская певица, молдавский писатель, молдавский ученый, молдавский господарь и т. д.), которое характеризует опре-

деленную этническую единицу, определенный народ. Спрашивал ли ты себя, дорогой читатель, что ты знаешь о молдавском народе и его языке, о его истории и литературе, о его культурной самобытности.

Известный русский советский языковед Ф. П. Филин писал: «Существует ли такой признак, который, если его удалось установить как таковой, вне зависимости от других признаков, может послужить критерием определения этнической единицы? Да, существует. Этим ведущим постоянным признаком является язык» [14, с. 76]. И это было сказано как бы в подтверждение того, что «в лингвистическом смысле народ составляют все люди, говорящие одним языком» [15, с. 852].

Данный очерк написан для того, чтобы помочь разобраться в сложных вопросах истории молдавского народа, его языка и литературы — от образования и до современного состояния.

В зарубежной литературе можно найти много неправильных утверждений, будто языки народов СССР вообще, и молдавский в частности, подвергаются насильственной русификации, что осуществляется унификация или нивелировка языков, ведущая якобы к исчезновению своеобразия и неповторимости каждого из национальных языков СССР.

Для того чтобы читатель преодолел порочную, тенденциозную постановку вопроса, он должен правильно понять всю диалектику развития советской языковой действительности. На самом деле, в Советском Союзе успешно осуществляется единый народно-экономический комплекс, всесторонний обмен между различными советскими нациями в области литературы и искусства, культуры вообще. Все это неминуемо ведет к взаимодействию и сближению языков и культур советских народов, к широкому проникновению в их систему интернациональных и русских языковых единиц. Именно это ведет к взаимообогащению и расцвету национальных языков. Каждый язык развивается и за счет другого, а равноправие всех обеспечивается конституционным порядком. В то же время национальные языковые особенности, увеличивая свои возможности многообразного выражения мыслей и чувств, многоцветие национальных своеобразных культур, сами по себе представляют огромную ценность не только для своего, но и для других народов.

На наших глазах происходят события огромной экономической, политической и культурной важности, и по-

скольку народы, населяющие Страну Советов, стоят на единой общественно-политической и идеологической платформе, естественно происходит постоянный обмен материальными и культурными ценностями того, что сближает людей различных национальностей. Этот процесс весьма плодотворен и наглядно демонстрирует всю глубину социалистических отношений, связывающих советские народы. Экономическое, политическое, культурное единство современного состояния советских народов содействует созданию или активизации языковых средств, общих для всех народов СССР. Большое количество слов и выражений, отображающих явления организационно-производственного, общественно-политического, культурного порядка образует межнациональный лексико-фразеологический фонд, который в определенных условиях получает и широкое интернациональное звучание.

Интернациональное в языке состоит не только в понимании и выражении общих для всех или для большинства народов понятий, но и в использовании одних и тех же языковых средств. Здесь имеются в виду особенно языковые образования терминологического характера. Объективной общей тенденцией развития современных языков является прогрессирующий процесс их сближения. Это, однако, не означает, что тенденция к интернационализации языковых средств проявляется одинаково во всех современных языках. Напротив, она определяется своеобразным отношением различных языковых структур к использованию интернациональных средств общения, которое зависит от социально-политического и культурного уровня развития, от исторического прошлого, от традиций и языковых навыков соответствующего народа.

Огромное количество интернационализмов являются греко-латинского происхождения, вследствие большого вклада древних греков и римлян в развитие науки, техники, культуры. В эпоху Возрождения из итальянского языка многие слова проникали во все европейские языки. [Ср. ит. *banca* (фр. *banque*, нем. *Bank*, англ. *bank*, рус. *банк*, венг. *bank*, молд. *банкэ*), ит. *bulletino*, (фр. *bulletin*, нем. *Bulletin*, англ. *bulltin*, рус. *бюллетень*, молд. *булетин*), ит. *cabinetto* (фр. *cabinet*, нем. *Kabinett*, англ. *cabinet*, рус. *кабинет*, молд. *кабинет*), ит. *squadrone* (фр. *escadron*, нем. *Schwadron*, рус. *эскадрон*, молд. *ескадрон*), ит. *soldato*, (фр. *soldat*, нем. *Soldat*, англ. *soldier*, рус. *солдат*, молд. *солдат*), ит. *gazzetta* (фр. *gazette*, англ. *gazette*, рус. *газета*, молд. *газетэ* и др.].

После буржуазной революции 1789 г. источником интернациональной терминологии, в особенности социально-политической, стал французский язык (ср. *революция, капитализм, пролетариат, республика, социализм* и др.).

В XIX в. значительную роль в распространении интернациональных терминов сыграл английский язык *(бюджет, лидер, митинг* и др.).

Вследствие того, что основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс писали на немецком языке, много терминов марксистской философии, политической экономии перешли из немецкого языка в другие языки, непосредственно или путем калькирования.

После Великой Октябрьской социалистической революции основным источником образования интернациональной терминологии стал русский язык. Образованное после 30 июля 1903 г. слово *большевик* проникло, особенно после 1917 г., в самые различные языки. (Ср. чеш. *bolševik,* фр. *bolchévik,* итал. *bolscevico,* рум. *bolşevic,* молд. *болшевик,* нем. *Bolschewik,* англ. *bolshevik (bolscevist),* венг. *bolsevik;* хинди *bolševik,* кит. *бу-аыр-сай-вей-ʌыз* и др.).

Одинаковые социально-политические условия, в которых развиваются языки народов СССР, не приводят, однако, к нивелировке и к тождеству их дальнейшего продвижения вперед. Ведь общеизвестно, что вне национального языка не может быть и речи о подлинной самостоятельной и самобытной культуре. Поэтому каждый язык, совершенствуясь, идет своим собственным эволюционным путем, хотя в процессе своего продвижения вперед, в связи с общими социально-экономическими предпосылками, с культурным и научным обменом, обнаруживаются явные лексико-фразеологические и структурно-образовательные параллели с другими языками, распространенными на территории Советского Союза.

Специфические особенности развития каждого национального языка СССР объясняются тремя основными причинами:

во-первых, этногенетическими истоками, т. е. происхождением языка;

во-вторых, структурно-грамматическими особенностями, основанными на генетических связях;

в-третьих, как указывал еще К. Маркс, «хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, все же именно отличие

от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [6, с. 711].

Необходимо выделить еще, во-первых, наличие в современном мире более развитых и менее развитых языков; во-вторых, существование общих закономерностей развития языков, и, в-третьих, проявление национальной специфики отдельных языков. Таким образом, общие для всех языков закономерности развития не препятствуют каждому языку иметь и свои специфические, национальные черты.

Исходя из этого, различные языковые инновации оформляются в каждом национальном языке в соответствии со специфическими особенностями для их фонетико-грамматической, лексико-фразеологической систем, с учетом графической традиции. В современных условиях НТР каждый язык, большой или малой нации и народности, стремится либо найти в своем арсенале, либо позаимствовать языковые средства для передачи новых научно-технических понятий.

В связи с этим нельзя не вспомнить о том, что еще в XVIII в. великий немецкий писатель, ученый и философ И. В. Гёте мечтал о таком будущем, когда каждый народ обретет возможность «сохранить свои особенности с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому» [16, с. 411].

Советские народы и их языки находятся на современном этапе именно в таком положении, когда они имеют все условия для развертывания всех своих специфических потенций, при учете их функционирования в едином многонациональном комплексе.

Нельзя не подчеркнуть здесь, что в Великой Стране Советов среди основных прав ее граждан (на труд и отдых, учиться и иметь жилье, пользоваться бесплатным медицинским обслуживанием и пр.) имеется и право писать и читать книги, учить молодое поколение своему, родному языку. Обучение детей в советских школах осуществляется на 52 языках; журналы печатаются на 46, газеты издаются на 55 языках. Художественная литература выпускается на 77, а передачи по радио ведутся на 126 языках народов СССР и зарубежных стран.

Что касается конкретно Советской Молдавии, то в настоящее время она совершила поистине гигантский скачок. В 1980 году в МССР насчитывалось 853 средних школ;

к этому же времени в республике действовали 14 совхозов-техникумов, 1 совхоз-училище, которые готовят специалистов определенного профиля. В начале 1981/82 учебного года в МССР было 51 среднее специальное и 8 высших учебных заведений, где обучалось 112 тыс. будущих специалистов. [87, с. 486, 489]. В настоящее время в республике насчитываются около 9 тысяч научных работников, в том числе почти 3800 докторов и кандидатов наук, в то время как 60 лет назад это был край почти сплошной неграмотности.

Любой язык формируется, создается в диахроническом, историческом плане и действует или функционирует в синхроническом, т. е. в современном диапазоне. Поэтому для создания более или менее полной картины молдавской языковой действительности автор данного очерка, расскажет, во-первых, об исторических путях образования и развития молдавского языка, о его месте среди других языков — генетически родственных и не родственных — о формировании и характере его общих и специфических особенностей, сформировавшихся на протяжении его многовековой истории; во-вторых, речь пойдет о тесном взаимодействии с языками других народов, в результате чего молдавский приобретает все больше характерных черт, на разных языковых уровнях дифференцирующих его от других генетически родственных языков; в-третьих, будет обращено внимание читателя на нынешнее состояние и функционирование молдавского языка.

На современном этапе, в условиях НТР, важное значение имеет формирование и развитие научно-технической, сельскохозяйственной и общественно-политической терминологии. В этом отношении современный молдавский язык идет в ногу с развитием всех национальных языков Советского Союза. Ведь любое новшество в науке, технике, экономике, культуре должно получить адекватное, соответствующее выражение и в моладвском языке.

Читатель отдает себе ясный отчет в том, что одной из характерных особенностей молдавского языка на современном этапе развития — это его широкая демократизация. Во всех уголках Советской Молдавии средствами массовой информации (периодическая печать, радио, телевидение и т. п.), научно-технической, общественно-политической и художественной литературы, школами всех ступеней молдавский язык используется в его нормированной, литературной форме.

Эти и другие вопросы найдут разъяснение в данной книге. Читатель должен подойти к проблеме формирования, развития и функционирования современного молдавского языка совершенно беспристрастно, объективно, без всяких предубеждений.

Итак, приглашаем тебя, дорогой читатель, совершить путешествие в страну прекрасную, в край многих чудес и интересного исторического пути национального языка молдавского народа.

I МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИСТОРИЯ

Среди романских языков

По своему историческому происхождению молдавский язык принадлежит к романской языковой семье индоевропейских языков. Это означает, что основные характерные черты его фонетической, грамматической и лексико-фразеологической систем следует искать в латинском языке, точнее в его народно-разговорном аспекте, так называемой народной (вульгарной) латыни. В романскую группу языков кроме молдавского входят румынский (на севере от Дуная), арумынский, мегленитский, истриотский, а также далматский — сегодня уже мертвый язык (на юге от Дуная). Все эти языки образуют восточно-романскую группу языков.

В западно-романскую группу входят: итальянский, сардский, ретороманский (италийская подгруппа): французский, окситанский, или провансальский (галлийская подгруппа); каталанский, испанский, португальский (иберийская подгруппа [17, с. 78—103].

Генетическая родственность романских языков создала определенную общность фонетических, грамматических, деривационных, лексико-фразеологических элементов.

Во всех романских языках сохранилась в основном система гласных и согласных латинского языка (5 примарных гласных — a, e, i, o, u; 15 согласных: b, p, t, d, c, g, s, z, f, v, h, m, n, l, r). Каждый из романских языков развил эту систему, по-своему создавая таким путем определенные специфические особенности. В молдавском добавились две специфические гласные (э, ы), ряд дифтонгов (еа, оа, ай, уй и др.), а также некоторые согласные (ч, ж, ш, ц, х и др.).

В романских языках, как в латыни, сохранена основа изменения имен по склонениям и глаголов по спряжениям. Молдавские имена (существительные, прилагательные, местоимения), а также артикли обладают словоизменительными формами числа, падежа, рода. Как и народная латынь молдавский язык сохранил три категории (склонения) существительных и остатки четвертого склонения (архаическая форма мн. ч. *мыну(ле)* из лат. *manus* «руки») и пятого (существительное *зи* из лат. *dies* «день»).

Морфологической особенностью карпато-балканской, а также и апеннинской народной латыни было преимущественное использование окончания *-ora* в существительных среднего рода *(corpora, tempora)*, дошедшего в молдавском (и других восточно-романских языках) в форме *-урь* у обоюдородных существительных *(кымпурь* «поля», *корпурь* «тела», *тимпурь* «времена» и др.). Сохранена в молдавском и основа склонения местоимений. Молдавские глаголы (как и в латыни) распределяются по четырем спряжениям и характеризуются грамматическими категориями лица, времени, наклонения, числа, залога. Неизменяемыми словами в молдавском являются наречия, союзы, предлоги, междометия, частицы.

Синтаксические связи между словами и предложениями осуществляются в общих чертах так же, как в латыни.

Слова латинского происхождения образуют основной лексический фонд, имеющий самую широкую распространенность во всех романских языках. В общенародном молдавском языке лексические единицы данного происхождения составляют 80—85%. У М. Эминеску в поэме «Лучафэрул» из 1908 слов латинскую (романскую) этимологию имеют 1688 и только 220, т. е. 12,1%, иного происхождения.

Как и в латыни, сложение слов не имеет в молдавском широкого распространения. Объяснение следует искать в так называемой прогрессивной топике, в которой детерминант находится в постпозиции по отношению к детерминанту (существительное перед прилагательным — *касэ фрумоасэ* «красивый дом» — генитив другого существительного — *картя студентулуй* «книга студента»; глагол перед наречием — *мерже репеде* «быстро идет» и т. п.).

Еще в период, когда латынь обладала свойствами живого языка, т. е. вплоть до VIII—IX в. н. э. обнаруживались определенные диалектальные черты, которые касались всех языковых уровней — и фонетических, и морфологических, и синтаксических, и лексических. Проф. М. В. Сергиевский и другие романисты довольно подробно изучали эти региональные особенности [18]. Латинские грамматисты и культурные деятели древнего Рима отдавали себе отчет о различиях, которые постепенно углублялись: «Сама латынь повседневно меняется и по областям и во времени», — писал один из этих ученых [17, с. 248]. Эти провинциальные расхождения стали более ощутимыми после падения Западной Римской империи в 476 г.

Они все более и более дают о себе знать и в основном лексическом фонде, и в грамматической системе. И все же, несмотря на развитие определенных специфических особенностей в каждой бывшей римской провинции, чувствовалась тенденция к единству использования латинского языка по всей территории, где некогда распространялась государственная власть Рима.

И даже после формирования современных романских языков (начиная примерно с VII—IX вв. н. э.), латинская основа сохранилась. Однако нельзя забывать, что по мере того, как римляне завоевывали одно государство за другим, превращая их в римские провинции, латинская культура, латинский язык ассимилировали культуры и языки различных автохтонных народов. К началу III в. н. э. латинский язык был распространен и знаком для большинства населения этих территорий. Доказательством может служить то, что в 212 г. н. э. римский император Каракалла издал закон (Constitutio Antoniniana), согласно которому все свободные жители Римской империи получали право римского гражданства. Известно, что это право давалось лишь тем людям, которые владели латинским языком. Что касается Дакии, то, хотя римляне фактически владели ею лишь около 167 лет, все же эта провинция подверглась процессу романизации примерно в такой же степени, как и Иберия, Галлия и другие провинции. Этому способствовали римские торговцы, ремесленники, беженцы, которые проникли в Дакию задолго до ее завоевания римлянами (106 г. н. э.) и оставались здесь после того, как официально она была покинута (271 г. н. э.). Между Дакией и Римской империей на протяжении многих веков велась самая оживленная торговля. После завоевания значительную роль в процессе романизации сыграли римские легионы, солдаты, которые по истечении срока военной службы (25 лет), оставались в Дакии, женились на дакских женщинах. Определенное значение в этом же плане имели и школы разного типа, особенно для римских солдат. Итальянский историк П. Парибени завершал первый том своей работы об императоре Траяне следующими словами: «Чеканка в 12 г. монет с надписью „Dacia Provincia" позволяет нам думать, что в эту эпоху обширная программа была в своей значительной части выполнена. Тем самым *Траян сумел заложить основы латинской цивилизации в Восточной Европе* (подчеркнуто автором) подобно тому, как Юлий Цезарь и Август закладывают ее основы в Европе западной. Отпечаток рим-

ского влияния был столь живым и глубоким, что прошедшие над ним века не смогли его стереть» [19 с. 209—440]. Кроме того, В. Ф. Шишмарев отмечал, что «пестрота населения в пору траяновой Дакии явилась одним из условий, способствовавших романизации, культурному общению и даже ассимиляции». И это вполне понятно, ведь латинский язык был для них обиходным средством общения между людьми различного этно-лингвистического происхождения, т. е. выполнял роль так называемой lingua franca «языка-посредника», liingua commerciale «торгового языка».

В отношении исторической судьбы автохтонного населения имеются противоположные суждения. Некоторые историки считают, что в Восточной Романии местные жители были полностью уничтожены римскими завоевателями в I—II веках н. э. [11] и что не может идти речь о каком-либо влиянии фрако-гето-дакского субстрата на формирование современных восточно-романских языков. С другой стороны, другие ученые, особенно современные зарубежные, стараются преувеличивать роль лингвистического субстрата восточно-романских языков. По-видимому, истина находится где-то по середине между этими диаметрально противоположными мнениями.

Ведь автохтонное, фрако-дако-гетское население, все же воздействовало, но лишь в некоторой степени, на народную латынь Восточной Романии. Специалисты считают, что появление гласных *э, ы,* наличествующих в молдавском и других восточно-романских языках, объясняется фрако-дако-гетским языковым субстратом. Кроме того, около 60 слов молдавского (и других восточно-романских языков) этимологически исходят из того же субстрата (*чафэ, грумаз* «затылок»; *струнгэ* «место доения овец»; *брынзэ; брад,* «ель»; *мазэре* «горох»; *мош* «старик» и др.).

Однако языковые элементы субстратного характера совсем незначительно изменили латинскую основу языка романизованного населения Восточной Романии, и те языковеды, которые придают фрако-дако-гетскому субстрату большое значение в процессе приобретения восточно-романскими языками определенных специфических черт, основываются, по существу, лишь на различных предположениях.

Таким образом, когда римская администрация оставила Дакию в руках мигрирующих народов, жители этой провинции были романизованы в такой же степени, как и население других провинций. В то же время эвакуация

Дакии, как указывал В. Ф. Шишмарев, не была равносильна отказу от нее. История IV—VI вв. дает нам ряд примеров вмешательства Рима в судьбы старой Дакии, да и отдельные представители ее позднейшего поселения обращались не раз за содействием и помощью к ее бывшим хозяевам. Значит, основное романизованное население Дакии осталось на своих местах.

Ленинградский романист принимает концепцию А. Филиппиде, в соответствии с которой в VI в. началась реэвакуация романизованного населения в виде волн, с юга к северу Дуная, однако здесь, на северодунайских землях, новые элементы встретились и хорошо ужились с оставшимися после 271 г. романцами. При этом А. Филиппиде считал, что «ни одна волна не охватывала вместе Валахию и Молдавию» и что «Молдавия и Валахия не имеют никакой генетической и исторической связи» [22, с. 389, 392]. Он заключает, что молдаване с самого начала имели совершенно самостоятельную историческую судьбу и самостоятельный язык. Довольно подробно рассматриваются В. Ф. Шишмаревым вопросы миграции различных народов через территорию Дакии (гунны, гепиды, славяне, печенеги, тюрки-озы, куманы-половцы). Описанием данной миграции В. Ф. Шишмарев старается объяснить, почему с 271 г. вплоть до X века и даже до образования самостоятельных государств на севере от Дуная в XIII—XIV вв. отсутствуют сведения о романском населении Юго-Восточной Европы. Действительно, в 579 г. византийский историк Теофанес Конфессор упоминает известные слова *torna, torna, fratre,* которые считаются первым свидетельством восточно-романского языка. Затем, лишь спустя четыре века, в 976 г., другой византийский историк Георгиос Кедренос упоминает о существовании романского населения недалеко от озера Преспа в нынешней Югославии, а в 1164 г. византийский писатель Никита Хониат аттестует данное население в Молдавии. В связи с таким большим перерывом французский медиевист Ф. Лот в своем исследовании о нашествии варваров и заселении Европы [23] пытался возродить теорию Р. Рёзлера. В. Ф. Шишмарев, имея в виду работу французского историка, писал: «Лот исходит из мысли о том, что старая Дакия после ухода римлян „превратилась в пустыню", vacuum, куда ринулись затем один за другими сарматы, гепиды, готы, гунны, авары и другие племена. С той поры и до XIII в. мы не слышали ничего о появлении на этой

территории романского населения. Взамен ее на сцену выдвигаются венгры» [24, с. 53].

В данном случае важно отметить, что значение восточно-романских народов и их языков состоит не столько в древности их засвидетельствования письменными документами, а в сохранении латинской основы и в грамматике, и в словаре в известных исторических условиях отдаления от западного романства.

Все эти факты объясняют и поддерживают непрерывность проживания романизованного населения на всей территории не только в пределах карпатского кольца, но на востоке и юге от него. При этом, в языке жителей этих областей латинский фонд остался как основной, и самый значительный, как с количественной, так и с качественной точек зрения. Многие из единиц латинского происхождения имеют общероманский характер как в фонетике и грамматике, так и в лексике. Разумеется, что эти единицы вошли в языковую систему романизованного населения карпато-дунайских и балканских областей, претерпевая соответствующую фонетико-грамматическую и лексико-фразеологическую адаптацию. Так, например, лат. *caput* имеет такие соответствия в романских языках: молд. *кап,* рум. *cap;* арум. *cap, capite;* мегл. *cap, cop, capiti,* истр. *copete;* ит. *capo;* исп., порт, *cabo,* фр. *chef;* пров., кат. *cap.* Термины родства лат. *frater:* молд. *фрате,* рум. *frate,* мегл. *frati,* истр. *frote;* ит. *fra(te),* пров. *fraire,* фр. *frère.* Лат. глагол vidēre: молд. *(а) ведя, ведере,* рум. *a vedea, vedere,* арум. *ved, videare,* мегл. *ved,* истр. *vedu;* ит. *vedere,* пров. *vezer,* фр. *voir,* кат. *veer,* исп., порт. *ver.*

Местоимения, артикли, основные категории прилагательных, наречий, предлогов, союзов, междометий, словообразовательных элементов в романских языках также латинского происхождения.

Данные фонетико-грамматические и лексико-фразеологические особенности создают определенную общность романских языков. Эти общероманские черты стали очевидными для многих культурных и научных деятелей, принадлежащих к самым различным народам.

Еще в XV в. (около 1460 г.) византийский историк Лаоник Халкондил заинтересовался сходством молдавского и валашского языков с итальянским. Он утверждал, что в Молдавии и Валахии говорят на языке, «похожем на итальянский, но столь испорченном и отличном от него, что и итальянцам трудно понимать, что на нем говорится». Далее Халкондил отмечал, что ни от кого из

смертных он не мог узнать, откуда явились в области между Трансильванией и Черным морем, между Богданией (т. е. Молдавией) и Дунаем люди с римским языком и римскими нравами и поселились в них [24, с. 84—85]. Сто лет спустя (в 1552 г.) подобную же мысль высказал генерал Кастальдо, итальянец по происхождению, а в 1685 г. француз Филип де Массон.

Во втором десятилетии XVIII века (1719 год) автором Сильвестро Амелио составлен итальянско-молдавский словарь («Vocabulario italiano-muldavo»). В данный словарь включены 1320 слов. Некоторые из них с подчеркнуто молдавской фонетической характеристикой (например, палатализованные формы: *киперь* (лит. пипер) «перец», *кипернцэ* (лит. пиперницэ) «перечница», *кьепт* (лит. пепт) «грудь», *кирости́й* (лит. пирострий) «треножник» и др.).

Имеются и слова, типичные для молдавского разговорного языка (*мунтуялэ*— лит. мынтуялэ, в выражении *де мынтуялэ* «поверхностно»; *агуде* (ед. ч. *агудэ*) — «шелковица», *гынгыние* — «букашка» и др.). В словарь включен также ряд славянизмов (*чудос* — от слав. *чудо* со значением «восхитительный»; *граница* и др.). Многие слова и значения не регистрируются в других словарях того времени [25].

В 1748 г. миссионер Онуфрий из Львова писал: «Idioma moldavorum videtur ex italico originem habere», т. е. «язык молдаван, очевидно, происходит от итальянского».

В XIX веке известный русский врач С. П. Боткин, побывавший в Кишиневе в апреле 1877 г., писал: «Молдавский язык чрезвычайно звучен, напоминает итальянский; в нем много латинских слов» [26, с. 5].

К. Маркс и Ф. Энгельс также обратили внимание на этот факт. Они писали, что население, расположенное «между нижним Дунаем и Днестром, представляет собой чрезвычайно смешанный народ, принадлежащий к православной церкви и говорящий на языке, который происходит от латинского и во многом напоминает итальянский». [3, с. 7].

По-видимому, такие примеры, как: ит. *benvenuto* — молд. *бун венит;* ит. *buona sera* — молд. *бунэ сара;* ит. *come ti chiama* — молд. *кум те кямэ;* ит. *aver sete* — молд. *а авя сете* и т. п. и сыграли решающую роль в формировании мнений, подобных тем, которые были приведены выше.

Уже в более затруднительном положении будет находиться читатель, если прочтет у современного мексиканского поэта О. Пас (Paz) такие стихи: *Mira el poder del mundo mira el poder del polvo mira el agua.* Необходимо при этом знать, что исп. *mirar* это «глядеть, смотреть», в то время как в молдавском ему соответствует *а приви* (и вариант *прэви.* Ср. слав. *правити).* Исп. *poder* соответствует молд. *путере* «сила, мощь»; исп. *mundo* — молд. *луме* «мир» (из лат. *lumen),* но с изменением семантики по славянскому образцу: «мир, вселенная». Исп. *polvo* — молд. *пулбере* (из лат. *pulverem);* исп. *agua* — молд. *апэ* (из лат. *aqua).*

Славянское воздействие

После автохтонно-романского этно-лингвистического синтеза не сформировались ни западно-романские, ни восточно-романские языки. Потребовалось еще воздействие так называемого суперстрата. На западе он наличествует в форме германских (для иберийской группы также и арабских) языковых элементов. На Востоке такую роль сыграл славянский суперстрат. Известный румынский языковед О. Денсушану писал: «Только контакт со славянами превратил этот язык в самостоятельный язык, безусловно оставшись романским по своей структуре, но значительно отличным от тех языков, которые произошли от одного и того же источника» [27, с. 240—241].

Только после контакта со славянами (начиная с V—VI вв. н. э.*) на Востоке Романии и с германцами и арабами в Западной Романии окончательно сформировались дифференцирующие языковые особенности, которые отличают один романский язык от другого.

Значение славянского языкового фонда для Восточной Романии состоит, во-первых, в том, что именно благодаря ему восточно-романские языки отличаются от западно-романских. Имеется много примеров, когда восточно-романские языки позаимствовали славянские языковые единицы там, где западно-романские имеют соответственно германские заимствования: (молд. *богат,* рум. мегл. *bogat,* ар. *îmbugat* из ст. слав. богатъ; фр. *riche,* ит. *ricco,* исп.

---

* В этот период аттестовано проникновение слов *слэнинэ* «сало», *слаб, слугэ* и др. в язык восточных романцев [28].

rico из герм. *rihhi*. В таком же положении: молд. *рэзбой* «война» — фр. *guerre;* молд. *а пэзи* «беречь» — фр. *garder* и т. п.). Вполне прав был С. Пушкарю, когда писал: «Наш словарь содержит так много славянских заимствований, что вследствие этого он во многом отличается от других неороманских языков» [29, с. 277].

Во-вторых, славянские языковые единицы дифференцируют северо-дунайские романские языки (молдавский, румынский) от южнодунайских (арумынский, мегленитский, истриотский). Ср. молд. *болнав,* рум. *bolnav* из ст. слав. болнавъ, болг. *болнав,* ар. *niputut* «больной», молд. *плуг,* рум. *plug* из ст. слав. плоуг, болг., рус., серб. *плуг* — арум. *arat*. Это разделение на северных и южных от Дуная романцев имело место, по-видимому, уже в VI—VIII вв., когда проникновение славян, а затем и протоболгар прервало тот лингвистический континуум, который связывал массы романизованного населения обоих берегов Дуная. Историческое обособление южно-дунайских романцев объясняет, например, отсутствие в арумынском народном творчестве ряда характерных фольклорных элементов северо-дунайских романцев, как, например, народной песни дойны [30, с. 24—27].

В-третьих, влияние восточно-славянских языков на молдавский отличает его от других восточно-романских языков. Многие слова данной категории имеются лишь в молдавском (или преимущественно в нем). Ср. молд. *хулуб* (рус., укр. *голубь)* — рум. *porumbă, porumbel;* молд. *бухай* (укр. *бугай)* — рум. *taur*. Следует добавить здесь и ряд топонимов с восточно-славянским фонетизмом (полногласием), распространенных в МССР: *Солонец, Волотна, Хородка, Хородиште* и др. в отличие от соответствующих терминов без полногласия (южно-славянского происхождения): *Слатина, Блатина, Градиште* и др., имеющих большее или исключительное хождение в валашских землях.

В эту же категорию следует включить и топонимы с суффиксом *-эуць (-еуць): Вышкэуць, Коликэуць, Темелеуць, Чепелеуць* и др., распространенные в Советской Молдавии.

Известный советский романист М. В. Сергиевский справедливо отмечал: «Специфика молдавского языка, по сравнению с прочими романскими языками, заключается именно в том двойном объединении со славянским языко-

вым миром, первый из которых он разделяет вместе с ближайшим своим сородичем — языком Валахии и южной Трансильвании, а второй, разумею, с восточно-славянским — испытывает уже обособленно от него» [31, с. 51—52].

Языковой субстрат

Языковеды, которые пренебрегают или стараются приуменьшить роль славянского суперстрата, выпячивая фрако-гето-дакский субстрат и считая, что еще в V—VI вв. или даже в III—IV вв. сформировались характерные особенности восточно-романских языков, не владеют достаточными аргументами для обоснования ведущей роли субстрата по той простой причине, что Езеровская надпись на кольце (НРБ), несколько десятков названий растений у греческого географа и военного деятеля Петаниуса Диоскорида и Псевдо-Апулея, надпись из трех слов, из которых два собственных имени (Decebalus per Scorilo) дают очень и очень скудные сведения о языке фрако-гето-дакского населения. Поэтому поддержка идеи субстрата основывается во многих случаях лишь на гипотезах. Правильно заключал чешский академик Б. Гавранек: «Субстрат не относится к главным факторам изменения языка» [32, с. 94—95]. Еще более резко высказался американский языковед Е. Уотма (Whatmough): «С мистической или атавистической интерпретацией субстрата нужно покончить раз и навсегда; это химера, вернее, собрание химер» [22, с. 109].

Выпячивать значение фрако-гето-дакского субстрата в формировании восточно-романских языков в период III—VI вв., т. е. до времени прихода славян в карпато-балканские земли, означает в равной степени высказывать лишь определенные предположения без того, чтобы подтвердить эти гипотезы необходимыми материально-документальными данными. Но некоторые ученые все же заявляют о том, что хотя фрако-гето-дакский язык и остается неизвестным до сих пор, все же не следует отказаться от подобных гипотез. Идя, однако, по этому пути, филологические исследования могут становиться чистой фантастикой, вместо того, чтобы основывать свои доводы на конкретных фактах.

Снова о суперстрате

Специалисты располагают богатейшим материалом и общеславянского, и старославянского и, особенно, живых, современных восточно-, южно- и западно-славянских языков, на основе которого можно судить о значении суперстрата.

Весьма интересны ситуации, когда в различных молдавских (и вообще восточно-романских) конструкциях взаимопроникают языковые единицы латинского и славянского происхождения. Действие может быть выражено глаголом латинского происхождения *(ар* «пашу» из лат. *aro, arare; адун* «собираю» из лат. *aduno; черн* «просеиваю» из лат. *cerno; рад* «брею» из лат. *rado),* в то время как орудие, посредством которого осуществляется названное выше действие, является словом славянского происхождения *(плуг, ситэ, брич): ар ку плугул* «пашу плугом», *адун снопий* «собираю снопы», *черн ку сита* «просеиваю ситом», *мэ рад ку бричул* «бреюсь бритвой» и т. п.

Подобные взаимопроникновения характерны и для современной художественной литературы. Ср. у поэта Л. Делеану: *ар погон ку погон огорул,* где глагол *(ар),* предлог *(ку)* и артикль *(-ул)* имеют латинскую этимологию, а все существительные — славянскую.

Такие явления следует объяснять, по-видимому, тем, что в определенный исторический период молдаване позаимствовали у своих соседей, в частности у славян, более совершенную технику и вместе с этим и соответствующие термины [37, с. 737]. В наши дни происходит такой же процесс. Ср.: *а конструи ун спутник* — «создать спутник» и др.

И в других областях наблюдаются подобные же ситуации. Молдавский язык сохранил из лат. *ningĕre* глагол *а нинже* «падать, идти» (о снеге), но позаимствовал славянизмы: *омэт* (рус. укр. *омет* из глагола *ометати), зэпадэ* (слав. *западати*). Существительные *гэинэ* «курица» исходит из лат. *gallina,* а *кукош* «петух» славянского происхождения (ср. ст. слав. кокошь; укр. *кокош,* сербохор. *кокош,* болг. *кокошка* — и везде в славянских языках имеет значение «курица»).

Что касается книжных терминов, то молдавский (как и все романские языки) сохранил латинский глагол *scribere* «писать», сохранил он и существительное лат. *charta* (молд. *а скрие* «писать», *карте* «книга»), а позаимствовал из славянских языков глагол *а чити* «читать»,

по-видимому, потому, что в средние века книжное славянское влияние сыграло особую роль в древней молдавской культуре. Следует при этом еще отметить, что и слово *карте* не сохранило лишь изначальное латинское значение «книга», а получило от славян и значение «письмо».

О тесных славяно-молдавских языковых контактах свидетельствуют и те лексические единицы, которые составлены из двух корней — латинского и славянского. Так, молдавское существительное *ротокол* «круг, кольцо, кружок» образован из двух корней: лат. *rota* «колесо» и слав. *околъ* «круг». Наречие *ашишдеря* имеет в своей основе лат. *ecсит sic* и слав. *(тако) ждере.*

Эти и подобные им другие гибридные с точки зрения этимологии лексические единицы образовались, по-видимому, еще в период славяно-молдавского билингвизма в раннее средневековье.

Интереснейший факт обнаруживаем в произведениях молдавского писателя классика Иона Крянгэ. В его «Воспоминаниях детства, ч. II», читаем: «Кынд веня тата ноаптя де ла пэдуре дин Думеснику...» (т. е. когда отец возвращался из лесу, из Думеснику...) [34, с. 176]. Очевидно, что здесь *Думеснику* — топоним, собственное имя. Однако, *думесник* выполняет и функцию нарицательного прилагательного. Имеются и дериваты: глагол *а думесничи,* существительное *думесничие.* Правда, сейчас эти слова стали устаревшими. Синонимом прилагательного *думесник* в современном языке — *доместик* (из лат. *domesticus) «домашний».* Древняя форма — *думястик.* Форма *думесник* образована на основе латинского корня *domes-, dumes* — и суффикса славянского происхождения *-ник,* имеющего широкое распространение в молдавском языке как в словах со славянской основой *(спорник, трайник),* так и с латинской *(амарник, дорник).* Так что замена латинского суффикса *-ticus* славянским *-ник* произошла довольно легко, и получилось слово *думесник.* А уже современное прилагательное *доместик* является новым заимствованием из западно-романских языков (ср. фр. *domestique,* ит. *domestico),* не раньше XIX в.

Таким образом, необходимо подчеркнуть проникновение славянизмов не только в лексическую, но и в словообразовательную систему молдавского языка (и других восточно-романских языков).

Еще в прошлом веке один из классиков молдавской литературы, хорошо знающий положение всех романских языков, Алеку Руссо, совершенно справедливо отмечал:

«Славянизм для нашего языка является исторической необходимостью, точно так же как германизмы, арабизмы являются исторической необходимостью для неороманских языков» [35, с. 312].

Действительно, подобно тому, как для западно-романских языков германские и арабские языковые элементы сыграли важную роль в формировании определенных специфических особенностей, так в Восточной Романии славянское воздействие имело большое значение в образовании дифференцирующих черт, отличающих восточно-романские языки от западно-романских, хотя и одни и другие сохранили свою латинскую основу. Поэтому вполне прав был О. Денсушану [27], когда заявлял, что «для понимания прошлого румынского языка (а значит и всех восточно-романских языков — *Н. К.*) учет славянских элементов также необходим, как и латинских» [27, с. XIX].

Это положение вполне согласуется с мнением западных романистов, которые подчеркивают роль германского (арабского) суперстрата в формировании западно-романских языков [36].

Некоторые современные зарубежные языковеды без всяких оснований пытаются сравнивать значение славянизмов с тюркизмами или другими элементами, которые наличествуют в молдавском и в других восточно-романских языках. Следует напомнить, что еще молдавский летописец XVII в. Мирон Костин в специальном параграфе «О молдавском языке», помещенном в книге для иностранного читателя, написанной в 1677 г. на польском языке («Chronika ziem moldawskich y multanskich»), писал: «Вся основа нашего языка и поныне относится к латинскому языку... некоторая часть существительных и глаголов является заимствованием из языков соседей, больше из славянских, меньше из венгерского и турецкого».

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что Турция находилась «на самой низкой и варварской ступени феодализма» и никак не могла влиять на интеллектуальный уровень балкано-дунайских народов и что «пребывание турков в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров» [3, с. 6].

Кроме того, после ликвидации турецкого господства в Молдавии, как и во всех карпато-балканских землях, тюркизмы все больше и больше суживают свое распространение и в настоящее время, по последним данным [37, с. 26], они вместе с дериватами едва ли достигают 7 про-

центов (грецизмы 6%, мадъяризмы менее 6%) в лексике и не имеют никакого значения в грамматике и фонетике восточно-романских языков. Славянизмы же по тем же данным составляют более 35%, латинизмы 45%. Когда Б. П. Хашдеу в своем этимологическом словаре анализировал народное стихотворение «Дрэгуцул меу бэрбэцел», установил, что из 155 слов этого произведения 18 — славянского происхождения, а турецких слов он не обнаружил. Нельзя не вспомнить, что еще основатель романского языкознания Фр. Диц подчеркивал, что из всех заимствований румынского языка (как и всех восточно-романских языков) славянская лексика занимает первое место [38].

Таким образом, никак нельзя ставить славянизмы в ряд с тюркизмами или прочими заимствованиями, как это делают некоторые современные зарубежные лингвисты. По справедливому мнению В. Ф. Шишмарева, славянизмы проникли в языки романизованного населения Балканского полуострова еще в V—VIвв. и ассимилировались уже к XI в., когда в карпато-дунайских землях появились венгры. Для подтверждения своего мнения В. Ф. Шишмарев широко использует русскую летопись «Повесть временных лет» (памятник XII в.) и «Деяние венгров» (Gesta Hungarorurm) анонимного нотария венгерского короля Беллы III, который писал: «Говорили, что здесь сливаются прославленные реки Дунай и Тисса и другие не менее известные источники, обильные рыбой, и что этот край населяют славяне, болгары и валахи*, а также римские пастухи». В «Повести временных лет» рассказывалось, что к концу IX в. (898) венгры, пришедшие в карпатские земли (Паннония), нашли здесь славян и волохов, проживающих вместе на карпатских землях намного раньше, чем сюда пришли венгры.

В нынешних исторических условиях славянизмы, особенно руссизмы, все больше и больше содействуют обогащению и развитию всех восточно-романских языков, будучи аттестованными во всех языковых уровнях.

Так, например, нет сомнения, что фонема /*x*/, вошедшая в молдавский (и другие восточно-романские языки) вместе с заимствованиями определенных лексических единиц (*храна* из ст. слав. *храна* «пища»; *хырлец* из ст. слав. *рыльць* «заступ» и др.), не может быть поставлена в этимологической связи ни с лат. /*h*/, который исчез во всех

* Романское население Юго-Восточной Европы в средние века и позже именовалось волохами, или влахами. Меглениты и истриоты до сих пор называют себя влахами.

западно-романских языках, ни с албанским /*х*/ субстратного характера, будучи совсем изолированным и непродуктивным. Фонема /*х*/ в молдавском во всех трех фонетических вариантах *(хырлец, археолог, чех),* модификация произношения некоторых гласных (прейотирование переднеязычных гласных *е, и;* инфлексия гласных *о, е* и др.) основываются на славянской фонетической системе.

Как и в славянских языках, в молдавском (и в других восточно-романских языках) аттестовано существование двух серий согласных: твердых (непалатализованных) и мягких (палатализованных), имеющих фонологическое значение. В связи с этим молдаванин хорошо отличает качество соответствующей согласной, ибо от элемента палатализации зависит морфологическая форма. Например, *луп* — ед. число «волк», *лупь* — мн. ч. «волки»; *адун* — I лицо ед. ч. «собираю», *адунь* — II лицо ед. ч. «собираешь». Для француза, итальянца или другого западного романца более или менее палатализованный характер согласного не имеет, по существу, никакого фонологического значения. Чередование твердой и мягкой согласной в образовании различных морфологических форм в молдавском (и во всех восточно-романских языках) происходит подобным же образом, как и в славянских языках, о чем писали многие языковеды в XIX в. (Я. Д. Гинкулов) и особенно современные (С. Пушкарю, Эм. Петрович, Н. С. Трубецкой, В. Пизани и др.) [39, с. 191—205].

Конечно, не прав был В. Мейер-Любке [40, с. 540], когда отрицал славянское влияние на восточно-романский фонетизм. Ведь очевиден факт, что эта система содержит много элементов славянского произношения, усвоенных в период романо-славянского билингвизма, когда романизованное население карпато-дунайских областей ассимилировало двуязычное славянское население.

Безусловно,не идет речь об отождествлении восточно-романского фонетизма со славянским (в форме общеславянского, старославянского или современных славянских языков). Как и латынь, общеславянский знал вокальную долготу и другие особенности, которые, конечно, не сохранились в современном восточно-романском фонетизме. Однако нельзя отрицать славяно-восточно-романский параллелизм фонетических альтернаций и другие явления, которые объяснять через субстрат никак нельзя по той простой причине, что фрако-дако-гетский фонетизм почти полностью неизвестен современному исследователю.

Что касается морфологии, необходимо подчеркнуть, что вокатив на *-е* (из лат. вокатива второго склонения типа *lupe*), который не оставил никакого следа в западно-романских языках, сохранился в молдавском (и в других восточно-романских языках) именно благодаря поддержки славянской морфологической системы. Кроме того, уже непосредственно из славянских языков был заимствован молдавским (и другими восточно-романскими языками) вокатив на *-о* существительными женского рода (*лелицо* «тетя», *неваста;* ср. укр. *жинко* и др.).

В связи с вопросами грамматической структуры восточно-романских языков следует особо обратить внимание на спряжение глаголов. Чем по сути дела отличается это явление в молдавском (как и во всех других восточно-романских языках) от западно-романских, если идет речь и о словах латинского происхождения?

Возьмем для примера латинские глаголы 1-го спряжения (*canto, cantare; porto, portare; laudo, laudare* и т. д.). В презенсе индикатива глагол *porto* спрягался таким образом: *port-o, port-as, port-at, port-amus, port-atis, port-ant.* Значит, к глагольной основе (*port-*), присоединялись личные окончания (*-o, -as, at-, -amus, -atis, ant*). При этом глагольная основа оставалась в одной и той же форме, т. е. единой для всех лиц и чисел, а личные окончания были также одними и теми же для соответствующих лиц и чисел у всех глаголов той же категории. Во французском, итальянском, испанском, да и в любом другом западно-романском языке, положение дел остается по существу таким же, как и в латинском, учитывая, конечно, соответствующие фонетические эволюционные преобразования. Ср. во французском: *port-e, port-es, port-e, port-ons, port-ez, port-ent;* в итальянском: *port-o, port-i, port-a, port-ion, port-ate, port-an*; в испанском: *port-o, port-as, port-a, port-amos, port-ais, port-an.*

Таким образом, при анализе морфемного состава этих языков необходимо иметь в виду следующее отношение между корневой и аффиксальной морфой. Корневая морфа определяет аффиксальную, поскольку в зависимости от числа и лица, в котором используется корневая морфа, изменяется и аффиксальная. В то же время аффиксальная морфа не указывает на характер основы, так как окончания (*-o, -as, -at, -amus, -atis, -ant*) в латинском могут быть приспособлены соответственно к лицам и числам любого глагола 1-го спряжения (*canto, laudo* и т. п.).

Что касается молдавского (как и всех остальных восточно-романских языков), то положение дел меняется коренным образом. Глагольная основа не является единой для всех лиц и чисел и, если строго подойти к подобным явлениям, следует сказать, что имеем дело в подобных случаях с четырьмя вариантами глагольной основы *(порт-, порц-, поарт-, пурт-)*. Ведь спряжение в молдавском происходит так: *порт, порць, поартэ, пуртэм, пуртаць, поартэ*. Следовательно, необходимо указывать, что в молдавском (и во всех восточно-романских языках) по сравнению с латинским и западно-романскими языками отношение зависимости между морфами меняет свой характер. Окончания *(-ь, -э, -эм, -аць, -э)* приспосабливаются к соответствующей корневой морфе. Разумеется, никто не может отрицать общность названной глагольной основы или аффиксальной морфы во французском, итальянском, испанском, молдавском и в других романских языках. Они, безусловно, латинского происхождения. Однако в западно-романских языках связь между морфами осуществляется морфологически и фонетически иначе, чем в восточно-романских языках. Чем объясняется это положение? Имеются все основания согласиться с С. Пушкарю, который писал: «В отношении морфологии, румынский язык (значит и все восточно-романские языки — *Н. К.)* походит больше на славянские языки, чем на романские... Так объясняется то, что латинский грамматист, устанавливая парадигму спряжения глагола *porto,* мог писать:

port-o
-as
-at
-amus
-atis
-ant

и этому примеру может последовать и тот, кто пишет грамматику итальянского, как и большинства других романских языков. Румынский же грамматист очень редко может использовать подобную схему, посредством которой выявляются окончания, потому что он должен писать:

port	*purt-ăm*
porț-i	*purt-ați*
poart-ă	*poart-ă*

подчеркивая тем самым изменения основы» [41, с. 213]. В молдавском (как и во всех остальных восточно-романских языках) в системе глагола имеется много случаев чередования гласных и согласных в его корневой морфе. Эта

внутренняя флексия содействует специфическому оформлению глагола в молдавском (и других восточно-романских языках) в отличие от западно-романских, в которых если и могут спорадически появляться некоторые чередования, то они никак не носят системный характер, как в восточно-романских языках.

Различные исследователи отмечали в восточно-романских языках значительное количество диминутивных суффиксов. Это объясняется тем, что кроме унаследованных от народной латыни деривативных суффиксов в Восточной Романии было позаимствовано много суффиксов славянского происхождения (*-ак, -кэ, -ач, -анце, -енце; -ник* и др.) [42, с. 205—206]. Весьма плодотворно сказалось воздействие славянской словообразовательной системы на формирование в молдавском языке определенных калькированных по славянскому образцу слов и конструкций. Это и грамматические кальки (образование числительных от 11 до 19, десятки), и лексематические кальки типа молд. *луме* «вселенная» (из лат. *lumen* «свет») по образцу ст. слав. свѣтъ 1. свет. 2. вселенная, и много фразеологических калек в современном молдавском языке (рус. *социалистическое соревнование — ынтречере сочиалистэ и др.*) [42, с. 69—70].

На синтаксическом уровне следует отметить возможность выражения многократности путем препозитивной постановки перед глаголом наречия *тот* «все, все время; беспрерывно», придавая глаголу смысл итеративности: *тот скрие* «все пишет», *тот ворбя* «все говорил». Подобное использование характерно для старославянского и аттестовано в некоторых современных славянских языках.

Что касается лексической системы, то нужно прямо сказать, что влияние славянских языков на все восточно-романские языки является весьма значительным. При этом определенный интерес представляет сопоставление латинского фонда романских языков с германизмами (арабизмами) в западно-романских языках и со славянизмами в восточно-романских языках.

Имеются лексические единицы латинского происхождения, которые сохранились только в восточно-романских языках. Ср. молд. *ажутор* «помощь», рум. *ajutor,* ар. *ăgutor,* мегл. *jutor* (из лат. *adjutorium*). В том же положении находятся и некоторые существительные (*лингурэ* «ложка», *оае* «овца»), глаголы (*а апука* «брать», «хватать»; *а асуда* «потеть», *а деспика* «колоть», *а легэна* «качать»), и другие части речи — всего около 115 лексических еди-

ниц. И это не удивительно. Аттестовано и по другим романским языкам сохранение некоторых латинских слов (по каталонскому около 100; по испанскому и португальскому — 140 и т. д.) [43]. Используя данные лингвистических атласов, можно обнаружить определенную дифференциацию и в северодунайских областях. Так, в румынском языке используется слово *varză* (из лат. *vir(i)dia* из *viridis* «зеленый»), в то время как в Молдавии, Буковине сохранилась нар. лат. *coliclu* (из кл. лат. *caulis*), которая бытует сейчас в форме *курекь* «капуста». В том же положении рум. словосочетание *zeamă de varză* «капустный рассол» и молд. *моаре* (из лат. *muria*). Из лат. *ren (reniculus)* было образовано слово рум. *rinichi* (ар. *arnicl'u*), в то время как в молдавском используется соответственно термин *рэрункь* (из лат. *renu(n) culus*) [29, с. 340—341].

Некоторые ученые считают, что подобные различия появились уже в период народной латыни [37, с. 111].

В различных областях лексики западно-романские языки сохранили слова латинского происхождения, в то время как восточно-романские позаимствовали соответствующие лексические единицы из славянских языков. Ср. фр. *avoine*, ит. *avena*, исп. *avena*, (из лат. *avena*), в то время как в молд. *овэс*, рум. *ovăz*, ар. *uves* (из. ст. сл. свѣсѣ рус. *овес*, болг. *овес*), пол. *owies*, чеш. *oves*; фр. *oie*, ит., исп. *oca* (из лат. *avica*), — молд. *гыскэ*, рум., ар. *gîscă*, мегл. *goscă* (из болг. *гъска*). В том же положении находятся некоторые существительные с абстрактным значением; фр. *coutume*, ит. *costume*, исп. *costumbre* (из лат. акк. *consuetudinem*) молд. *обичей*, рум. *obicei* (из ст. сл. рус. *обычай*).

Западно-романские языки (фр. *cher*, ит., исп. *caro*) сохранили латинское прилагательное *carus*, в то время как восточно-романские языки (молд. *скумп*, рум. *scump*, ар. *scumpu*, мегл. *scomp*) образовали соответствующие формы из ст. сл. скѫпъ «скупой».

Сохранился в западнороманских языках (фр. *aimer*, ит. *amare*, исп. *amar*)лат. глагол *amare*, а в восточно-романских (молд. *а юби*, рум. *iubi*) был позаимствован ст. сл. любити, рус. *любить*. Ср. также фр. *ami*, ит. *amico*, исп., порт. *amigo*, из лат. *amicus*, в то время как в молдавском имеется *приетен* из ст.-сл. приѣтель (рус. *приятель*). Фр. *épouse*, ит. *eposa*, исп., порт. *esposa* основываются на лат. *spo(n)sa*; молд. *невастэ*, рум. *nevastă*, арум. *neveastă*,

мегл. *niveastă* происходят от ст. сл. нѣвѣста. Однако можно аттестовать в восточно-романских языках как сохранение латинских слов, так и соответствующие заимствования из западно-романских языков. Ср. фр. *blé*, ит. *biado*, пров. *blat* (из герм.**bläd*), в то время как молд. *грыу*, рум. *grîu*, ар. *grăn*, *găr(n)*, мегл. *gron*, истр. *grăwu* продолжают. лат. *granum* «зерно». Прилагательные: молд., *алб*, рум., мегл. *alb*, ар. *albu*, истр. *ob* сохранили лат. *albusc*, в то время как фр., пров. *blanc*, ит. *bianco*, исп. *blanco*, порт. *branco* исходят из герм. *blank* «белый».

Молд. *коапсэ* «ляжка», рум., ар. *coapsă* продолжают лат. *coxa*, в то время как фр. *flanc*, ит. *fianco*, исп. *flanco* исходят из герм. *hlanka*. Представляют интерес и те случаи, когда и западно-романские, и восточно-романские языки осуществляли заимствования, но из разных источников в соответствии с историческими условиями их развития.

Нигде во всей Романии не сохранились латинские прилагательные *dives*, *locuples*, *fortunatus* со значением «богатый, зажиточный». Западно-романские языки позаимствовали соответствующие прилагательные из германского источника (**rihhi*): фр. *riche*, ит. *ricco*, кат., пров. *ric*, исп. порт. *rico*; а восточно-романские обратились к ст. сл. богатъ (молд. *богат*, рум., мегл. *bogat*, ар. *îmbugat*).

В таком же положении фр. *besoin*, ит. *bisogno*, пров. *bezonh* (из герм. *bisunja*), в то время как молд. *невое*, рум. *nevoie*, ар. *nevol'e*, мегл. *nevol'ă* исходят из ст. слав. неволѣ; ит. *brando*, ст. фр. *brant*, пров. *bran* (из герм. *brand*) — молд. *сабие*, рум. *sabie* (из ст. сл. сабля) и др.

Западно-романские языки также не являются едиными в отношении заимствований. Французский глагол effrayer «устрашать» основывается на герм. корне **fridu*, *choisir* «выбирать» на герм. *kausjan*, в то время как их соответствия ит. *spaventare*, исп. порт. *espaventar*, ар. *spămînta*, рум. *spăimînta*, молд. *спаймэ* «страх» основываются на лат. **expavimen*, *expaventare*, ит. *scegliere*, пров. *eslire*, ст. исп. *esleer*; молд. *а алеже* на лат. *eligere*; **exeligere*.

В некоторых случаях итальянский позаимствовал слова из германских языков, в то время как остальные романские языки сохранили различные слова латинского происхождения.

Ср. ит. *schiena* (из герм. *skina*), в то время как фр. dos (из лат. *dorsum*); исп. *espalda* (из лат. *spatula*); молд. *спинаре* рум. *spinare*, ар. *skinare* из лат. *spinalis*.

Аттестованы и такие примеры: ит. *biotto* (из герм. *blauts)*, фр. *nu*, исп. *nudo* (из лат. *nudus)*, а молд. *гол* (из ст. сл. голъ [44].

Надо отметить и ряд молдавских глаголов венгерского происхождения, проникших в молдавский через посредство славянских языков: молд. *а бэнуи* «подозревать» (из венг. глагола *bánni*, но через посредство сл. банꙋвати, банꙋꙗ). Таким же путем образовались молдавские глаголы *а алкэтуи* «составлять», *а бынтуи* «неиствовствовать», *а келтуи* «расходовать», *а мынтуи* «кончать», *а тэмэдуи* «исцелять» и др. Молдавские существительные *гынд* (из венг. *gond)* «мысль», *дымб* (из венг. *domb)* «холм» свидетельствуют также о славянском посредничестве.

История многих слов в молдавском (и в других восточно-романских языках) характеризует как нельзя лучше различные исторические периоды жизни восточных романцев и отражает эти периоды в эволюции различных лексических единицах.

В латинском языке *pavimentum* означал «утрамбованная щебнем и известкой земля». Такое толкование встречается у известного историка и грамматика Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н. э.) и у Цицерона (106—43 гг. до н. э.). Это значение сохранилось во всех западно-романских языках (ит. *pavimento*, ст. фр. *pavement* (ср. фр. *pavage)*, пров. *pazimen*, кат. *paviment*, исп. *pavimento*, порт. *pavimento)*.

В восточно-романских языках, в частности, в молдавском, на основе лат. *pavimentum* образовалось слово *пэмынт* «земля», «почва». Подобные положения следует объяснить тем, что в давние времена, в период миграции европейских народов, восточно-романское население должно было оставить города и поселиться в сельских местностях. В это время городские термины должны были быть приспособлены к названию деревенских реалий.

В других ситуациях слова отражают взаимоотношения с соседними народами или с населением, с которым сожительствовали восточные романцы. Общеизвестно, что в эпоху миграции народов в Юго-Восточной Европе романское население укрывалось в горах, где отсутствовали большие реки. Встречались источники, небольшие речушки. Поэтому лат. *pons, pontis* «мост» получило в восточно-романских языках значение «мостик», «узкий мостик через речку» (молд. *пунте*, рум. *punte*, ар. *punti)*. На западе сохранилось латинское значение «большой мост» (фр., кат., пров. *pont;* ит. *ponte*, исп. *puente*). Когда во-

сточные романцы спустились с гор и встретили большие реки, то они позаимствовали от славян слово *под* «большой мост» (из ст. слав. подъ, болг., сербо-хорв. *под*) [29, с. 162]. Интересно отметить, что самый древний мост в Молдавском княжестве, через большую реку Тротуш у села Борзешть, был построен во времена Стефана Великого в XV в.

Таким образом, молдавский (как и все восточно-романские языки) развился в течение веков особым путем и приобрел специфические фонетические, структурно-грамматические и лексико-фразеологические черты, которые ставят в определенное затруднение некоторых западных романистов. Испанский языковед А. Алонсо характеризует языки Восточной Романии как в нероманской классификации (inagrupable) [45, с. 126]. Другие же западные романисты считают, что восточно-романские языки несомненно романские по своему фонетизму, грамматике, словарю, но по другому романские, чем французский, итальянский или испанский [46, с. 460]. В этом отношении славянские элементы сыграли не последнюю роль.

На пути к полной самостоятельности

Как мы смогли убедиться, славянское воздействие сыграло большую роль в развитии самостоятельности восточно-романских языков, в том числе молдавского, придавая им определенные отличительные черты от западнороманских, которые в свою очередь тесно контактировали с германскими (отчасти с арабскими) языками.

Нельзя не обратить внимания и на то, что одной из характерных особенностей языков романского населения Юго-Восточной Европы состоит в некоторой общности путей развития всех романцев данного региона. В то же время, нельзя пройти и мимо тех черт, которые отличают романцев, проживающих в Карпатской дуге, на юге и востоке от Карпат и вплоть до Днестра, Дуная и Черного моря, с одной стороны, и тех, которые находились к югу от Дуная в нынешней НРБ, в Греции, Македонии и Албании.

Молдавский язык распространен на самой восточной черте территории, занятой романским населением. В Советском Союзе молдавский является единственным романским языком и находится в самых тесных взаимодействиях со всеми языками советских народов и, в первую оче-

редь, с русским языком. Все это не может не придать ему определенную характеристику и не содействовать его развитию в самостоятельном направлении.

Исходной точкой у молдавского и у всех романских языков, как восточных, так и западных, является латынь, в ее народно-разговорном аспекте. Исторические пути все больше и больше дифференцировали самую восточную романскую ветвь сначала от латыни, затем от западного романства, от южно-дунайских романских языков и, наконец, от ближайшего сородича — румынского. Последнее произошло в недавнем прошлом и происходит оно постепенно и в наше время.

Говоря о различиях между румынским и молдавским, румынский академик Эмиль Петрович писал: «Различия между голландским, фламандским и бурским литературными языками, голландской, фламандской и бурской нациями не больше, чем между румынским литературным языком и молдавским литературным языком, образованном на базе центральных молдавских говоров Молдавской ССР. Таким образом и положение румынского и молдавского языков — хороший пример для иллюстрации того, что два весьма близких диалекта становятся параллельно самостоятельными национальными литературными языками, без того, чтобы каждый из них получил бы отдельный грамматический строй и основной словарный фонд — как показал советский романист В. Ф. Шишмарев» [47, с. 13—14].

Об этом писали и другие языковеды (румынские и из других стран) [48], и конечно, советские ученые [49].

Все же нельзя не сказать, что некоторые исследователи отрицают существование пяти живых восточно-романских языков (молдавский, румынский, арумынский, мегленитский, истриотский) [50].

Однако социально-экономическое, культурно-языковое развитие молдавского народа на современном этапе и в перспективе представляет новые живые аспекты развития и приобретения все новых характерных отличительных черт молдавского языка. Акад. Г. В. Степанов четко сформулировал такое положение: «В социолингвистическом аспекте молдавский язык есть самостоятельный — в смысле свободного независимого функционирования и развития язык молдавской нации, имеющей типичную структуру любого развитого национального языка, то есть располагающего собственным литературно-письменным стандартом, специфической формой литературно-разговорной ре-

чи, связанной с формами обиходно-разговорной речи и говорами молдавского национального ареала» [81, с. 13].

С полным правом можно сказать, что прогнозы зарубежных языковедов и социологов, которые до сих пор поддерживают мнение об исчезновении молдавского языка или об его ассимиляции языками других, соседних народов, не оправдались и не могут никогда оправдаться. Слово, язык в целом — это признак и в то же время синтез современности и истории в контексте социально-экономических, политических, культурно-художественных предпосылок, которых нельзя отрицать и которые неминуемо отражаются в самостоятельном языке молдавского советского народа.

Этноним *молдован*

История этого термина связана с топонимом *Молдова.* В различных текстах появляется и вариант *молдаван,* который связан с названием *Молдавия,* а также *молдав* от фр. *moldave* или рус. *молдав(ский),* исходящих от фр. *Moldavie,* рус. *Молдавия.* Эти термины появляются в первых же документах господарской канцелярии после образования Молдавского самостоятельного государства в 1359 г. Молдавские воеводы всегда носили в славянских документах государственной канцелярии титулатуру «Господарь земли молдавской». В различных словосочетаниях появляется и прилагательное *молдовенеск: пэмынт молдовенеск* «молдавская земля» встречается в документе от 1360 г.: *помынтень молдовень* «молдавские земляне» (1402 г.), ср. и *Цара Молдовей* (1395 г.). В средних веках появляется и топоним *Молдовлахия* (1435 г.), но совсем редко. В турецких документах аттестованы топонимы: *Карабогдания* «черная» или просто *Богдания* по имени *Богдана,* основателя молдавского самостоятельного государства в 1359 г.

Молдавский летописец XVII в. Мирон Костин писал, что «новейшее название наших жителей — это молдован». Видимо, то же самое он имел в виду, когда в стихах об образовании молдавского народа писал:

Нямул Цэрий Молдовей де унде се тэрэгэняэ?
Дин цэриле Рымулуй, тот омул се крязэ,
Траян ынтыю ымпэратул, супуинду пе дахий
Драгош апой ын молдовень пременинду пре влахь

Досл.: Откуда есть пошла Страна Молдавиńе
Из римских стран — пусть каждый знает.
Траян император первый победил даков.
Драгош затем в молдаван превратил влахов.

И в документах, написанных на латинском языке, появляется тот же топоним: «Moldavia sigillium... civitatis Moldaviae... terre Moldaviensis» (1421 г.). Для Берлинской академии Дм. Кантемир написал в 1746 г. книгу под названием «Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae» — «Описание древнего и современного состояния Молдавии» [11].

Этимология термина *Молдова, Молдавия* и его производных *(молдован, молдованкэ, молдовенеск* «молдавский, молдованский», *молдовенеште* «по-молдавски»; *а молдовениза, молдовенизат, молдовенизаре, а молдовени* (у Дм. Кантемира) «омолдованить», *молдав, молдавэ, молдовенизм* и др.* весьма сложный спорный вопрос.

Летописец М. Костин в своей работе, написанной на польском языке, «Chronika ziem moldawskichy multanskich» (1677 г.) передает в связи с названием Молдова широко распространенную легенду о Драгоше. М. Костин отмечает также, что в этом вопросе он следует за молдавским летописцем Григорием Уреке. В начале своего труда «Описание Молдавии» Дм. Кантемир воспроизводит эту же легенду: «Драгош, сын Богдана, решил перейти горы (Карпаты — *Н. К.)* в восточном направлении с тремястами охотниками. Во время этого пути он случайно напал на след дикого быка, которого молдаване называли зимбру... Любимая собака Драгоша по кличке Молда... бросилась за убегающим зубром в бурлящую реку, и быстрое течение поглотило ее. В память об этом событии Драгош назвал эту... реку Молдовой... Таким образом, эта провинция... и стала называться Молдавией, по имени реки Молдова» [11, с. 4].

Однако следует отметить, что и до прихода Драгоша в восточно-карпатских землях здесь аттестовано различными документами тех времен довольно многочисленное население. Кроме того, надо подчеркнуть, что из 755 сел упомянутых в документах, до 1449 года более 600 имели старые границы до образования государства (1359). Вот почему эта легенда, по-видимому, не удовлетворяла пыт-

* Ср. термин *молдовит* — озокерит, минерал черного цвета космического происхождения, который добывается в Молдавии; *Молдотау* — горный хребет во внутреннем Тянь-Шане, около озера Сонкель. Длина 150 км, вышина до 4100 м.

ливый ум Дм. Кантемира. Поэтому в другой работе «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», написанной в 1712—1716 гг., излагая происхождение молдавского народа, он выдвигает другую этимологию. По его мнению, название Молдова происходит от лат. *mollis* «мягкий, некрутой, отлогий» и дако-гет. *dava, davia* «крепость, город, селение», т. е. *Mollis Davia—Moldavia*. Слово *dava* происходит от индоевропейского корня *dhë,* означающего «усадить, положить». Таким образом, *dava* означало бы «поселение, село, местность». Это мнение поддерживалось в XIII—XVIII вв. и другими учеными — И. Трестер, У. Черри и др. В XIX веке Б. П. Хашдеу и некоторые исследователи сегодня считают, что топоним Молдова происходит от гот. *mulda* «шахта, пыль», проникшего через германских (сакских) колонистов в северную Молдавию в XII—XIII вв., и куманского слова *уве, «котловина, долина»**. В 1241 г. столица края называлась *Stadt Molde,* т. е. «город шахт или шахтеров» на языке саксов, и *Тыргул Молдовей,* или *Байя,* что на языке местного населения означало тоже «шахта». В документе, написанном во Львове в 1334 г., фигурирует в качестве свидетеля некий Александр Молдаович (Moldaowicz), т. е. из Молдавии [51]. Название притока реки Лаба в Чехии, *Молдова,* передается на чешском через гидроним *Vitava* из ст. герм. *Milthalvô* со значением «дикая река» [53, с. 642].

Более правоподобно мнение, высказанное другими учеными, которые считают, что топоним *Молдова* происходит от слова *молид* (вариант *молидв)* «пихта, белая ель» (Picea excelsa) (проникшее в язык славян, которые проживали восточнее Карпат) со славянским суффиксом *-ова*,* т. е. *Молидова,* которое с синкопой и дало *Молдова* [42, с. 478—479]; вначале оно означало «долина пихт, долина белой ели». Это вполне естественно, так как в этих местах особенно много пихтовых лесов. Славянские грамоты XIV в. аттестуют словосочетание «Молдавска земля».

Ботанический термин *молид* считается новогреческого (molisdos) или албанского (molide) происхождения. В Молдавии, в районе восточных Карпат, произрастает много пихтовых лесов и вполне возможно, что слово *молид* и содействовало образованию топонима *Молдова.* Следует также подумать и о том, что в латыни бытовало и слово

* Скурт дикционар етимолоджик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978, с. 269 аттестует слово *молдэ* (из гот. mulde) со значением «корыто, русло».

molis со значением «глыба, скала». Данное существительное использовалось и в прямом (*moles saxorum* у Плиния Младшего) и в переносном значение (*mole sua stare* «стоять как скала» у Вергилия). Не исключено, что именно понятие скалы возымело свое воздействие на воображение первых жителей края, которые и назвали его *Молесдова,* затем *Молдова.*

Подобные топонимы с суффиксом *-ова (-ово),* довольно распространенные во всей Молдавии [54]. Они содержат, как правило, славянские корни (*Бырнова, Випрова, Воздова, Войнова, Гетлова, Илашкова, Клишова, Коржова, Лалова, Лозова, Нападова, Паустова, Садова, Точилова, Тырнова, Хирова, Хырбова, Цыпова* и др.), но встречаются и латинские корни (*Корнова, Урсилова* и др.). Ср. *Тиморова* (ныне *Рени*), упомянуто Дм. Кантемиром в «Описании Молдавии».

Следует добавить, что и наименование столицы Молдавского княжества с XIV в. до середины XVI в. (1566 г.) *Сучава,* образовано также от лат. корня *сок* (лат. *sa(m)-bucus)* при помощи славянского суффикса *-ова, -ава*: *Сучава.*

Формирование таких топонимов — свидетельство романо-славянского симбиоза, т. е. тесного сожительства романизованного и славянского населения в районе Восточных Карпат, начало которого следует искать еще в VI—VII вв.

Таким образом, этноним *молдован,* как и глотоним *лимба молдовеняскэ,* существуют с древнейших времен. Они использовались повсеместно как самими молдаванами, так и иностранцами, которые контактировали с этим народом. Отрицание этих терминов свидетельствует либо о незнании истории современного положения данных реалий, либо о злонамерениях и искажениях действительности со стороны определенных зарубежных идеологов.

Некоторые хронологические данные

Когда появились топонимы *Молдова, Молдавия* и слова общенародного обихода: *молдован* (молдаван), *молдовенеск, молдовенеште* и др., конечно, было использовано и словосочетание: *лимба молдовеняскэ* «молдавский язык», *лимба молдовенилор* «язык молдован» и т. п.

Этим и следует объяснить, что в 1642—1647 гг., когда Григорий Уреке писал свою летопись, он счел необходи-

мым включить в нее специальную главу: «Пентру лимба ноастрэ молдовеняскэ» (О нашем молдавском языке), в которой приводит ряд этимологических данных о молдавских словах [55, с. 61]; «от римлян, которых называют латинянами, *пыне* они говорят *панис* («хлеб»), *карне,* они говорят *каро* («мясо»), *гэина,,* они говорят *галена* («курица»), *муяря, мулиер* («женщина»)... *пэринте, патер* («отец») *ал ностру, ностер* («наш») и многие другие из латинского языка, потому что, если подробно разобраться, все слова мы бы поняли».

Кроме того, Г. Уреке совершенно правильно рассуждает о том, что в молдавский вошло много слов и от других народов [55, с. 11].

Другой молдавский летописец XVII в. Мирон Костин в своей уже упомянутой работе на польском языке также включает параграф о молдавском языке, в котором сравнивает его с итальянским и находит, что в молдавском больше слов латинского происхождения, чем в итальянском. Он приводит примеры по различным частям речи с латинскими соответствиями: а) существительные: *homo* — *омул* («человек»); *sanguis* — сынже («кровь»), *caput* — *капул* («голова»); *facies* — *фаца* («лицо»); *dentes* — *динте* («зуб»); *campus* — *кымпул* («поле»); *frons* — *фрунте* («лоб»); *panis* — *пыне* («хлеб»); *stella* — стя («звезда») *primumver* — *примэварэ* («весна») — автор приводит всего 49 существительных; б) глаголы: *manduco* — *мэнынк* («кушаю, ем»); *bibo* — *беу* («пью»); *dormio* — *дорм* («сплю»); *sedeo* — *шеду* («сижу»); *aro* — *ару* («пашу»); *semino* — *самэн* («сею»); *scribo* — *скриу* («пишу»); *perambulo* — *преымблу* («гуляю»); *audio* — *ауд* («слышу»); *video* — *вэдзу* («вижу») — всего М. Костин дает 30 глаголов; в) прилагательные: *plenus* — *плин* («полный»); *albus* — *алб* («белый»); *niger* — *негру* («черный»); *ruber* — *рошю* («красный»); *serenus* — *сенин* («ясный»), *turbidus* — *тулбуре* («мутный»); г) предлоги: *supra* — *супра* («над»); *de super* — *де сус* («сверху»).

М. Костин правильно заключает: «Вся основа нашего языка и до сих пор является латинской... а часть его — и существительные и глаголы — позаимствована из всех соседних языков, но больше из славянского и меньше из венгерского и турецкого».

Большой вклад в изучение молдавского языка в доклассический период внес ученый с мировым именем Дмитрий К. Кантемир (1673—1723). В своем «Описании Молдавии», в специальной главе о молдавском языке

[11, с. 184—189], Дм. Кантемир приводит ценные данные по фонетике и этимологии, по лексикологии и далектологии. Со знанием дела анализирует автор специфические особенности произношения некоторых звуков, особенно у женщин молдаванок (вместо литературного *бине,* они произносят *гине,* вм. *пиатра* — *киатра* и др.). На лексическом уровне Дм. Кантемир рассматривает отличия молдавского от итальянского: ит. *tavola* — молд. *масэ* («стол»), *bianco* — *алб* («белый»), *testa* — *кап* («голова»), *caccia* — *вынат* («охота»), *signore* — *домн* («господин») и др. Кроме того, молдавский ученый замечает, что в итальянском именной артикль ставится перед существительным *(l'huomo, la moglie),* в то время как в молдавском он является энклитическим *(омул, муяря* «человек», «женщина»).

Дм. Кантемир ставит и вопрос об использовании так называемого негативного метода в этимологических исследованиях. Сам он таким путем старается выявить этимологию некоторых слов из дако-гетского лингвистического субстрата: «...В молдавском языке сохранилось несколько слов, которые неизвестны ни латинскому языку, ни другим языкам соседних народов и о которых мы думаем, и возможно не без основания, что они сохранились от древнего языка даков, ибо никто не препятствует нам утверждать, что римские поселенцы в Дакии или использовали даков в качестве рабов, или даже брали себе в жены женщин из этого народа.., благодаря этому обстоятельству в их речь легко могли проникать некоторые местные слова» [11, с. 187—188).

Последняя (пятая) глава третьей части «Описания Молдавии» посвящена молдавской письменности [11, с. 189—194]. Дм. Кантемир неправ, когда в начале главы утверждает, что славянский алфавит (кириллица) введен только после флорентийского собора (1432 г.) и что до этого, якобы, пользовались латинским шрифтом. В действительности молдаване пользовались славянским алфавитом еще до образования самостоятельного государства. А после этого кириллицей писались грамоты, договора и другие документы. Латинским алфавитом писались некоторые документы, корреспонденции с иностранными государствами (Польшей, Венгрией, Римским папством и др.).

Свое ошибочное утверждение в начале главы Дм. Кантемир, по существу, исправляет, когда в процессе изложения пишет: «В церковных же книгах, в переписке гос-

подарей, в актах казначейства и в грамотах, которые исходят от княжеского двора, употребляются в течении двух столетий только буквы, взятые из славянского языка [11, с. 192].

В качестве приложения к своему аллегорическому роману «Иероглифическая история» Дм. Кантемир включает список ряда терминов, недавно вошедших в молдавский язык и которые сохранились и до наших дней (*анатомик, астроном, диалог, ироник, оризон, силотизм, тирание* и др.).

Как уже было отмечено, Дм. Кантемир попытался объяснить топоним *Молдавия.* Кроме того, он указывает, что старинное название местечка *Килия,* что на юге Бессарабии на Дунае, было *Lycostomon* «волчья пасть»: «Кажется, что здесь Дунай выбрасывает свои волны, как из волчией пасти».

В XVII—XVIII вв. составлен ряд славяно-молдавских словарей, что было обусловлено всевозрастающими экономическими и культурными связями молдован со славянскими народами и особенно с восточными славянами.

Один из этих словарей хранится в библиотеке «Московского Общества истории и древностей». Предполагают, что он (282 страницы малого формата) был подарен библиотеке Ю. И. Венелиным, выдающимся славистом первой половины XIX в. Автор словаря неизвестен, однако многие считают, что он составлен выдающимся культурным деятелем XVII в. Досифеем. Характерные молдавские слова (*посмажь* «сухари», *зэбавэ* «задержка, промедление», *де аму* «ужé» и др.) доказывают, что работа выполнена в Молдавии.

Проф. А. И. Яцимирский, который исследовал данный словарь, считал, что в его основу положен «Лексикон славяно-русский и имен толкование» Памвы Берынды, опубликованный в Киеве в 1627 г. (2 издание — 1653 г.; переиздан в Киеве в 1973 г.).

Другой славяно-молдавский словарь XVII в. хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и составлен, по всей вероятности, Николаем Милеску Спафарием.

Проф. М. В. Сергиевский на основе сравнительных палеографических и лексических данных пришел к выводу, что оба словаря составлены в Молдавии. Об этом говорят и такие характерные молдавские слова, как: *аму* «теперь», *кофэ* «бадья», *митител* «маленький», *мынештерг* «полотенце», *принцэ* «благожелательность», *рынзэ* «пу-

пок» (у птицы), *сфадэ* «ссора», *шипшор* «бутылочка», *херб* «герб» и др. Использование буквы З (дз), а также ѣ ѧ со значением *э* тоже говорит о молдавском происхождении данных словарей [56, с. 209—210].

Словосочетание *молдавский язык* неоднократно появлялось в различных печатных и рукописных книгах, написанных в Молдавии в разное время. Отметим лишь несколько таких работ, в которых содержится указание, что изданы или переведены они на *молдавский язык:*

а) В рукописи культурного деятеля Молдавии Варфоломея Мэзэрянул, датированной 1774 г., читаем: «Тоате ачестя чя с'ау скрис май сус с'ау тэлмэчит де пе словение пе лимба молдовеняскэ».

б) Печатная книга: «Куриоазникэ ши ын скурт арэтаре челор че юбеск а черка вредниче ынвэцэтурь де физиогномие. Тэлмэчитэ ди пе лимба немцаскэ ын чя русаскэ, кум ши пе лимба ачаста молдовеняскэ. С'ау тэлмэчит ши с'ау типэрит ын типографие чя политичяскэ де попа Михай Стилбицки, 1785».

в) Печатная книга: «Де обще географие пе лимба молдовеняскэ. Скоасэ де пе Ґеография луй Буфиер де Амфилохие Хотинул... 1795».

г) История шведского короля Карла XII переводится «пе лимба молдовеняскэ» в 1799 архимандритом Герасимом.

д) В 1802 г. Константин Вырнав переводит «Карте, че се нумеште зэбава фандасией пе лимба молдовеняскэ».

е) Две книги перевел с французского «дин лимба французяскэ ынтру че молдовеняскэ» Алеко Белдиман (Алексий сау кэсуца дин кодру — 1806 г.; Историе кавалерулуй де Грие ши а юбитей сале Манон Леско — 1807).

ж) Ион Белдиман «дин чя гречяскэ с'ау тэлмэчит ын лимба молдовеняскэ» Историе в челор май жингаше аморурь а Парисулуй. С'ау прескрис де мине искэлитул ын 1818 Костаки Борш.

з) С. Гесснер, Ераст. Повестире де о тражедие пэсторяскэ... тэлмэчитэ дин лимба немцаскэ ын лимба гречяскэ... яр акум тэлмэчитэ ын лимба молдовеняскэ де кэтре думняей сэрдэряса Зоица... Григориу, 1822.

к) Логика сау ынтэиле тэлмэчирь мештешугулуй де сэ сокоти чинева бине, скрисы де Кондильяк ши акум ынтыешь датэ де пе гречяскэ пе лимба молдовеняскэ тэлмэчитэ де банул Василе Вырнав, 1825

л) В 1836 К. Вейса переводит и печатает книгу о лекарственных травах, как он пишет «адусэ ын лимба молдовеняскэ де пе ачеле французешть».

Все эти факты говорят о самосознании людей, которое играет немаловажную роль в вопросе о принадлежности населения к определенной этнической единице — народу и к определенному языку.

Многозначительным является и четверостишие молдавского писателя конца XIX века:

Нямул тэу пэзеште
Ну те фэ куркан
Лимба та чинстеште,
Де ештъ молдован.
(Досл.: «Сохрани свой род,
не превращайся в индюка,
свой язык уважай,
если ты молдаванин).

* * *

О молдавском языке говорилось при различных обстоятельствах и в других странах.

Валашский культурный деятель Константин Кантакузино (1650—1716), рассматривая положение различных восточно-романских народов, писал: «Молдовений сэ осэбеск де сэ рэспунд: молдован», т. е. «молдаване отличаются тем, что они себя называют молдаванами».

Известный немецкий писатель, классик И. В. Гете в своем «Путешествии по Италии» рассказывал, что 13 января 1787 г. он присутствовал в Риме на богослужении в часовне католического «Congregatio de propaganda fide». После этого, пишет Гете, были прочитаны несколько поэм на латинском языке. Появились около 30 юных семинаристов, которые продекламировали короткие стихотворения, каждый на своем родном языке: малабрийском, *молдаванском (—Н. К.),* эллинском, арабском, персидском, армянском, греческом, эфиопском и т. д. и другие, которые он не понял [57, с. 172].

До сих пор, однако, не выяснен вопрос, кто именно читал перед немецким писателем стихотворения на молдавском языке в январе 1787 г.

В 1828 г. эрудированный итальянский поэт Джакано Леонарди переписал в свой дневник статью о молдавском языке («Sur l'idiome moldave, extrait d'un manuscrit de M. le conte d'Hauterive»), опубликованную в 1825 г. в Париже в «Bulletin universel des sciences et industrie». В этой статье шла речь о романском характере молдавского,

как и других романских языков, и об их общем источнике — народной латыни, от которой исходят все романские языки.

Бывший французский дипломат Александр д'Отрив* (Alexandre d'Hauterive) жил некоторое время в Молдавии и написал ряд статей об этом крае и языке его жителей. Он отмечал, что между Дунаем, Днестром и Черным морем население говорит на языке, происходящем от латыни и весьма сходном с тем, на котором говорят в Италии [58, 105].

Итальянский профессор А. де Губернатис, создавая в 1879 г. свой словарь писателей, включил и молдавского писателя, классика И. Крянгэ (1837—1889 гг.) [59, с. 324].

Молдавский поэт и прозаик К. Негруцци (1808—1868 гг.) включен в Большой французский энциклопедический словарь «Ларюсс» [60].

Вплоть до начала XIX в. молдавский язык использовался в живом обиходе, на нем писались и переводились, как мы уже видели, некоторые книги. Однако лишь с 20-х годов XIX в. началось закрепление фонетической нормы, его грамматического строя и лексики путем составления различных грамматик и словарей. Это и понятно, ведь именно в данный период «ускорились темпы формирования молдавской нации и молдавского национального языка» [24, с. 113].

В 1822 году был издан молдавский букварь, который переиздавался и позже. В 1840 году Я. Гинкулов напечатал в Санкт-Петербурге свое «Начертание правил валахо-молдавской грамматики» и «Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах для упражнений в валахо-молдавском языке». К этой работе он присовокупил небольшой словарь (около 4000 слов); также впервые он попытался анализировать словарный фонд молдавского языка славянского происхождения. Кроме того, Я. Гинкулов отмечал молдавско-русский параллелизм в отношении чередования звуков (*к-ч:* кок—кочь «пеку—печешь»; *с-ш*:

---

* Французский дипломат XVIII в. д'Отрив написал ряд работ о Молдавии, которые были опубликованы после смерти автора, а именно:

а) Memoire sur l'état ancien et actuel de la Moldavie, presenté à S.A.S. le prince Alexandre Ipsilanti en 1787 (опубликовано Румынской Академией в 1902 г.);

б) La Moldavie en 1785 (опубликовано A. Ubicini в «Revue de geographie» в 1877 и перепечатано Румынской академией;

в) Journal d'un voyage de Constantinople à Iassi (опубликован A. Ubicini).

грос-грошь «толстый» (рус. прошу—просить и др.) [61, с. XI]. Еще раньше, в 1829 году, Я. Гинкулов составил молдавско-русский словарь, в котором давал этимологию всем включенным словам. Эта работа, однако, осталась в рукописи [62, с. 119—126].

В первой же половине XIX в. многие культурные деятели Молдавии спасались на территории Бессарабии от турецких порядков. Писатель К. Негруцци прибыл в Кишинев и познакомился с сосланным сюда А. С. Пушкиным, который изучал богатый молдавский фольклор [63, с. 65] и молдавский язык [64, с. 252].

Другой молдавский писатель К. Стамати перевел на молдавский язык пьесу французского драматурга Ж. Расина «Федра» и прочитал этот перевод А. С. Пушкину. Русский поэт похвалил Стамати за то, что он занимается литературой и особенно за то, что не поступает, как запрутские писатели, которые заменяли используемые в молдавском языке славянские слова латинскими и французскими [65, с. 557].

Нет сомнения, что различные культурные деятели царской России способствовали развитию прогрессивной мысли и зарождению революционного движения, к которому постепенно приобщались и молдавские культурные деятели [24, с. 115].

Во второй половине XIX в. и в начале XX в. появился ряд учебников и словарей молдавского языка, то, что содействовало консолидации его литературных норм [66]. Этому, конечно, способствовали своими произведениями и писатели-классики В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, а также А. Матеевич и др.

Следует, однако, подчеркнуть, что процессы нормирования молдавского литературного языка в Молдавии происходят особенно интенсивно после установления Советской власти. Общеизвестно, что в истории развития национальных культур проблема становления и эволюции литературного языка имеет весьма важное значение, поскольку без нормированного литературного языка, по существу, не может идти речь о национальной культуре. Именно поэтому осуществление мероприятий по поднятию культурного уровня народа всегда создавало благоприятные условия для развития литературного языка. Это положение особенно характерно для советского периода в развитии национальных языков народов СССР. Четко проводимая КПСС ленинская национальная политика даст возможность каждому языку стать мощным рычагом

национального прогресса и культурного подъема народа.

Как мы видели, молдавский язык донационального периода не обладал признаком полифункциональности в полном смысле этого слова, поскольку он не обслуживал все сферы человеческой деятельности, а развивался преимущественно в форме разговорно-бытового и фольклорно-сказочного стилей.

В XIX веке, особенно во второй его половине, молдавский литературный язык стал на путь своего современного развития.

После победы Великого Октября и установления Советской власти на территории вначале автономной, а с 1940 г. союзной республики молдавский народ приобрел свою государственность и сейчас развивает свою экономику и культуру в тесной связи с другими братскими советскими народами. Этот внеязыковой фактор не может не влиять на развитие молдавского языка, который неминуемо должен отражать все преобразования в современной жизни молдаван и всего советского народа. С этой целью литературный язык использует унаследованное богатство молдавской классической, литературной и лингвистической традиций. Кроме того, в братской семье разносистемных языков советских народов молдавский язык находит живые источники не только для непосредственных заимствований, а и для перенятия решений различными советскими народами практических языковых задач, выдвигаемых жизнью, экономическими, политическими и культурными преобразованиями в нашей стране и во всем мире.

Статус современного молдавского литературного языка определяется как общими со всеми языками советских народов закономерностями, так и некоторыми специфическими тенденциями, основанными на его романских лексических и структурно-грамматических особенностях.

II. МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Каждый более или менее длительный период времени в истории человечества, именуемый эпохой, характеризуется определенными особенностями, которые дифференцируют его от других предшествующих и последующих периодов. Нет сомнения, что наша современность, XX век, войдет в историю как эпоха атомной энергии и космических полетов, небывалых достижений в области науки и техники, в целом как век научно-технической революции (НТР). Г. Гейне говорил, что каждый век, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза. Для выражения всего наблюдаемого необходимы и соответствующие средства коммуникации. Применительно к нашей действительности данное положение относится преимущественно к наименованию все новых и новых достижений научных исследований, к языку науки вообще. Ведь очевидно, что бурное развитие науки и техники содействует быстрым и заметным изменениям в области терминологического оформления.

Необходимо подчеркнуть, что современная НТР оказывает значительное влияние не только на все условия быта и мировоззрения людей, но и на их психологию и язык, который, как известно, выступает в качестве основного средства общения между людьми, так как всякое знание фиксируется и передается языком. «Для физика возможность описания на обычном языке является критерием того, какая степень понимания достигнута в соответствующей области» [67, с. 141].

Развитие современных отраслей научных, технических и прочих знаний, и особенно кибернетики, вычислительной техники и автоматики, породило много терминологических формаций, которые должны найти свое место в любом языке большой или малой нации. НТР не изменила общего направления развития языков, но активизировала особенно тенденции лексико-фразеологического обогащения, в частности терминотворчества. Установлено, что в этой области укомплектование составляет до 90% всех

лексико-фразеологических нововведений [68, с. 151]. Это положение объясняется тем, что «терминологическая лексика (иногда „в союзе“ с разговорной) активнее пополняет конкретными примерами то или иное языковое явление и тем самым способствует активизации этих тенденций» [69, с. 58]. Язык любой нации стремится в этом плане использовать, в первую очередь, свою лингвистическую традицию, пополняя ее затем заимствованиями из других языков.

Развитие современного молдавского языка свидетельствует о его творческой силе в образовании ряда языковых элементов собственными деривационными средствами, в усвоении различных лексических заимствований, носящих, как правило, интернациональный характер. Это и понятно, ведь развитие современной науки, техники, да и культуры происходят во всемирном масштабе. В связи с этим национальные языки приобретают все большее количество интернационализмов, образованных во многих случаях на базе греко-латинских языковых ресурсов.

Так и молдавский язык приобретает корневые форманты интернационального оборота *(космос, хумус, ракетодром, телевизиуне, еуровизиуне* и т. п.) или же аффиксоидные форманты: *био- (биометрие, биомеканикэ, биоженезэ), електро- (електролит, електрометалуржие, електроникэ), хидро- (хидробиоложие, хидромелиорацие, хидроелеватор), мини- (минитранзистор, минителевизор), пара- (парасинтетик, паратрэснет, парафразэ), супра- (супраабунденцэ, супрабарокамерэ, супрасензориал)* и т. п.

На современном этапе развития молдавского, как и вообще других языков, одним из ведущих критериев в определении уровня развития является, несомненно, лексико-терминологический состав языка, так как именно он отражает, в первую очередь, сразу и непосредственно те сдвиги, которые происходят в современном мире. Пополнение лексико-терминологического состава языка неизбежно ведет к стилистической дифференциации. Если в прошлом, как мы уже отмечали, молдавский проявлялся, как правило, лишь в форме обыденной речи или в устно-сказочном стиле, то в современном молдавском литературном языке намного расширилась система функциональных стилей, включая и художественный, и публицистический, и научный, и официально-деловой стили.

Научно-техническая терминология

Начало молдавской научно-технической терминологии следует искать в работах ученого европейского масштаба Дмитрия Кантемира, 210-летие со дня рождения которого отмечается в 1983 г. В процессе обогащения научно-технической терминологии Кантемир учитывал как особенности своего родного, молдавского языка, так и тенденции к интернационализации указанной терминологии. Воспитанный как и великий Ломоносов на греко-латино-славянской традиции, Дм. Кантемир в своем безграничном восхищении древней культурой стремился поднять родной язык до уровня классических языков. В связи с этим он ввел в молдавский язык много лексических единиц, структуру предложения и топику указанных языков.

Некоторые термины различных отраслей науки сохранились со времен Дм. Кантемира и до наших дней в языковом обороте молдавского народа. Так, в области географии, космографии и других наук до сих пор сохранились (иногда с фонетикой оригинала) такие термины, как: *аустру* «южный ветер», *еклипсис* (ныне в молдавском — *еклипсэ*) «затмение», *комитис* (ныне — *кометэ*), *оризон* (ныне — *оризонт*) «горизонт», *планета, полюс* (ныне — *пол*) «полюс», *сфера, тропик, тропическ* «тропический» и др. Дм. Кантемир ввел в оборот ряд физико-математических и химических терминов, встречающихся (иногда слегка измененными фонетически) и поныне в молдавском языке: *аксиомэ, атом, енергие* (ныне — *енержие*), *експериенцие* (ныне — *експериенцэ*) «опыт», *физик, метафизик* и др. Правда, есть у Дм. Кантемира и такие термины, которые сегодня утрачены: *исиметрие* (ныне — *екинокциу*) «равноденствие», *лембик* (ныне — *аламбик*) «перегонный куб», *херсонисос* (ныне — *пенинсулэ*) «полуостров» и др.

К своему аллегорическому роману «Иероглифическая история» (1716 г.) Дм. Кантемир приложил список подобных терминов, которым он дает соответствующее объяснение. Интересно отметить, что для толкования некоторых терминов греческого происхождения Дм. Кантемир приводит синонимические соответствия славянского происхождения (*аксиомэ* толкуется *правилэ; каталог — извод; диатесис — нэстав; евсевие — православие* и т. п.). Это доказывает, что во времена Кантемира славянские термины были понятны и общераспространены в Молдавии.

Хотя Кантемир и уловил верный путь развития молдавской научно-технической терминологии, все же результаты его попытки создать научный стиль не были использованы позже, поскольку его работы оставались долгое время в рукописи и только спустя более века, в 1883 г., они были напечатаны. К этому времени появились уже новые источники формирования молдавской научно-технической терминологии.

В XIX в.,особенно усилиями известного просветителя Георгия Асаки, в молдавский язык была введена математическая терминология: *апликацие, апотемэ, базис* (ныне — *базэ), ксентру* (ныне — *центру), ксилиндру (чилиндру), косеканс (косекантэ), косинус, експоненс (експонент), ромбоидес (ромб), скален, секантэ, синус, оптуз, паралелепипед* и другие термины интернационального распространения. Не имели успеха и впоследствии исчезли те научные термины, которые были созданы в XIX в. путем калькирования. Ср. *атингэтоаре* «тангенс» (ныне — *танжентэ), ымпреунэ фэкэтор* (ныне — *коефичиент), тэетоаре* «секущая линия» (ныне — *секантэ), асеменя пичорат* «равнобедренный» (ныне — *исосчел), калдомесор* «термометр», *греомесор* «барометр», *акриме* «кислота» (ныне — *ачид)* и др.

Несомненно, что молдавский язык стал подлинным языком науки и техники только после Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти на всей территории Молдавской Советской Социалистической Республики. Великие преобразования, которые свершились в экономической, социально-политической и культурной жизни нашей страны, в том числе и в МССР, обусловили бурное развитие молдавского языка на всех его уровнях, в частности на стилистическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом и особенно терминологическом уровнях. «Термин в области лексики и формула в области синтаксиса являются теми идеальными типами языкового выражения, к которым неизбежно стремится научный язык» [70, с. 144].

С лингвистической точки зрения требуется не только описать определенные способы и средства формирования терминологических систем, но и определить источники пополнения терминологии.

Говоря о современном развитии научно-технической терминологии молдавского языка, следует учесть, что и он, как и любой другой язык, представляет, во-первых, определенное структурное образование. Исходя из этого,

многие языковые новообразования в его современном состоянии объясняются необходимостью и причинами, которые исходят именно из этой внутренней структуры и не нуждаются во внешних факторах. Нельзя также забывать, что научно-техническая терминология зависит преимущественно от развития соответствующей отрасли науки и техники, т. е. от определенных экстралингвистических факторов. В этом плане надо учесть социальный характер языка, т. е. иметь в виду потребность передачи информаций от одного человека к другому. Это контактирование осуществляется не только внутри определенного национального коллектива, но и в плане общения одного народа с другими. К. Маркс писал в первом томе, «Капитала», что «всякая нация может и должна учиться у других» [1, с. 10]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что дальнейшее развитие современной молдавской научно-технической терминологии имеет многие точки соприкосновения с подобной же эволюцией лексико-фразеологической системы других языков. Все языки стремятся удовлетворить растущие потребности коммуникации, которые должны соответствовать росту международных достижений. Полностью удовлетворять эти потребности язык любой нации никогда не в состоянии, поскольку постоянно растущие потребности общения обгоняют языковые возможности. Однако каждый язык стремится пополнять свой лексический состав и увеличивать количество значений слов.

Многообразны источники формирования современной молдавской научно-технической терминологии.

Во-первых, это собственные словообразовательные средства, непосредственно связанные с его романскими характерными особенностями. Эти средства строятся на основе лексикализации производных элементов, формирования различных словосочетаний и т. д. Ср.: *а турна* «лить» — *турнэтор* «литейщик»; *а унже* «мазать» — *унгэтор* «масленка»; *а ынкэлзи* «греть» — *ынкэлзитор* нагреватель»; *а кондуче* «управлять» — *кондуктор* «проводник» — *семикондуктор* «полупроводник»; *капрэ* — «коза»— *кэприор* «стропило, стропильная нога»; *уне* — *алте* (мест.) — *унялтэ* «орудие» — *машинэ-унялтэ* «станок»; *скелэ агэцатэ* (строит.) — «люлька»; *фер векь* — «металлический лом» и др.

Научно-техническая терминология, как и все остальные лексические пласты, основывается на общей деривативной системе литературного языка. Так, для образова-

ния определенных научно-технических терминов в молдавском языке весьма активно используется полная инфинитивная глагольная форма с суффиксом действия *-ре*, выражающим значение производственного процесса. Как правило, эти термины в форме отглагольного существительного соответствуют русским терминам, оформленным с суффиксом *-ка* или *-ние* (*ажустаре* «накладка», *акордаре* рад. «настройка», *верификаре* «поверка», *гудронаре* «осмолка», *курэцире, ринделире* лес. «зачистка», *регларе* маш. «настройка», *стружире* «обточка», *сударе* мет. «заварка», *фербере* пищ. «заварка», *ынвыртире, ротире* «(о) крутка», *ынкэркаре* (а купторулуй) «загрузка (печи)», *афынаре* «разрыхление», *бетонаре* «бетонирование», *гэурире* «сверление», *десхидратаре* «обезвоживание»).

Аффиксальное образование молдавских терминов полностью соответствует принципам научно-технической терминологии, согласно которым все термины одного порядка должны иметь однотипную конструкцию.

В качестве терминологического форманта нередко выступают словообразовательные форманты общенародного языка. Особенно продуктивен суффикс *-иц-э* (*капрэ* «коза» — *кэприцэ* «козочка» и т. п.).

С помощью этого суффикса пополняется и терминология технических наук [*бентицэ* (текст.) «бейка», *вертелницэ* «моталка, мотовило», *шурубелницэ* «отвертка», *шурубелницэ електрикэ* «гайковерт» и др.].

Другим средством тероминологизации является переосмысление значений слова, когда «у слова как бы отсекают его лексическое значение и „привязывают" к нему строгое, точное определение — дефиницию» [68, с. 152]. В данном случае один из дифференциальных признаков слова выступает в качестве «общей идеи» и для слова, и для термина. Так, слово *меморие* «память», т. е. «способность человека сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления», в современном языке техники (*мемория калкулаторулуй електроник* «память ЭВМ») приобрело терминологическое техническое значение — «функциональная и конструктивная подсистема, которая в процессе обработки данных позволяет хранение и извлечение информации от любой главной подсистемы ЭВМ». Или, например, слово *обосялэ* «усталость» (т. е. «чувство утомления, ослабления организма от работы, движения и т. п.») в сочетании с техническими терминами: *обосяла металулуй* «усталость металла», *обосяла ресортулуй*

«усталость пружины», *обосяла термикэ* «термическая усталость» и т. п.

Заметим, что собственные молдавские морфологические ресурсы проявляются особенно в виде различных детерминативов (*аэростат наблюдения — балон де обсервацие; атом легкий (тяжелый) — атом ушор (греу); атом внедренный — атом ынтродус; атом разрушенный — атом диструс; атом свободный — атом либер; атом связанный — атом легат* и т. п.

В научном языке меньше, чем в общенациональном, осуществляется связь в плане узуса и традиции между внешней оболочкой слова и вложенным в него смысловым значением, так как значение зависит от развития данной науки. Однако имеются случаи внутренней мотивировки термина. Так, в физике элементарных частиц имеется термин «странность». «Эти частицы живут в миллион миллионов раз дольше, т. е. около 10^{10} сек. Это, утверждают физики, очень странно. И новые частицы стали называться странными» [71, с. 231]. В молдавском был приспособлен соответствующий калькированный детерминатив: *партикулэ страние,* т. е. «частица странная».

Характеризуя эпоху капитализма, В. И. Ленин особо подчеркивал, что ее отличительной чертой является «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [8, с. 124].

В современном мире эта тенденция еще более развилась. «В силу значительной интеграции науки и техники с их терминологией... в материале разных языков мировой цивилизации, особенно в их фразеологии, соответствуют и постепенно расширяются зоны общего международного словеснопонятийного соответствия и соотношения» [72]. В связи с этим некоторые ученые высказались за создание так называемого «европейского семантического койне», поскольку теснейшие связи между различными народами способствуют переходу различных понятий от одного народа к другому. Вследствие этого развитие научно-технической терминологии в подавляющем большинстве современных языков осуществляется по линии интернационализации данных средств. В настоящее время все более и более чувствуется тенденция к языковой унификации не только в национальном, но и в интернациональном масштабе. Особенно ярко проявляется процесс интернационализации в области физико-математиче-

ских и технических наук. Не случайно первый русский текст, переведенный на английский при посредстве ЭВМ в январе 1954 г. в университете Джорджтауна, был из области математики, где число интернациональных терминов особенно велико.

И в молдавском языке основная терминология физико-математических, химических и технических наук носит интернациональный характер (*синус, косинус, тангенс, котангенс, паралелограм; ампер, волт, атом, валенцэ, молекулэ, азот; телескоп, монтаж, видеотелефон* и т. д.).

Следует особо выделить ведущие научно-технические отрасли на современном этапе и, в частности, электронику с автоматикой, кибернетику с информатикой. Специальное применение имеют в радиоэлектронике различные виды радиокомуникации: радиолокация, радионавигация, телевидение, техника инфракрасных радиаций, радиоастрономия, радиометеорология, радиоспектроскопия, радиотелемеханика, промышленная электроника и т. д. Отраслевая терминология, обслуживающая эти дисциплины, используется почти всеми современными языками, в том числе и молдавским. Интернациональный характер имеют и многие термины, связанные со средствами передвижения, связи, военного и спортивного обихода, искусства, экономики, литературоведения, языкознания и других наук. Тенденция к интернационализации языковых средств во всей терминологии связана зачастую с вытеснением (а иногда и с исключением из активной лексики) ряда терминов, имеющих местное, для каждого народа, распространение. Эти термины со временем превращаются в историзмы и архаизмы.

Научно-технические термины интернационального оборота создаются на базе морфологических средств (корней и аффиксов) древних классических языков (*макро-, микро-, био-, -граф, -лог, -дрон, -трон* и др.). Моносемантизм оформленных подобным образом терминов делает их предпочтительными. Они легко раскрывают те понятия, которые называют. На основе терминоэлементов мы легко отдаем себе отчет в том, что *телефон* означает «передачу звуков на расстояние»; *видеотелефон* — «передачу изображения и звука на расстояние», *геофон* — «прибор для записи «звуков земли» и т. п. Греко-латинские словообразовательные элементы использованы для создания многих терминов, таких как: *синхро(фазо)трон, ракетодром, селен(ен)аут, гидронаут* и др.

Попытки калькирования и перевода подобных терминов, как правило, заканчивались неудачей. Так, в молдавском были попытки перевести интернациональные термины (*оксижен — акру нэскэтор, хидрожен — де апэ нэскэтор* и др.), но эти кальки были отвергнуты языком. Ф. Энгельс писал: «Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу» [2, с. 322].

Важным способом пополнения научно-технической терминологии молдавского языка являются заимствования из других языков. В связи с этим необходимо учесть, что «не тот язык, из которого определенные заимствования исходят, является в таких отношениях активным фактором, большая активность на стороне того языка, который эти явления принимает. И заимствуются эти явления в результате возрастающих требований к языку, а возрастающие требования к языку не представляют собой явления упадка, а наоборот, сопутствуют приобщению к новой ситуации, данной новым хозяйственным, политическим и культурным ростом» [73, с. 34].

В современных условиях русский язык как один из самых высокоразвитых языков мира оказывает значительное влияние на развитие национальных языков народов нашей страны. Это воздействие особенно ощущается в области терминологии, связанной с современными научно-техническими достижениями. В языки народов СССР и мира вошли такие термины, как *спутник, лунник, луноход* (имеется и полукалькированный термин — *луномобил*), *лавсан* (Лаборатория высокомолекулярных соединений АН СССР), *мэлан* (малоэластичный лавсан), *мтилон* (Московский текстильный институт+лон), *летилан* (Ленинградский текстильный институт + Латвийская АН).

Через посредство русского языка проникло в национальные языки народов СССР значительное количество терминологических заимствований из западно-европейских языков. Как правило, эти термины носят интернациональный характер. Ср. молд. *булдозер* — русск. *бульдозер* — англ. *bulldozer; модул — модуль* — франц. *module; лайнер—лайнер* — англ. *liner; лифт — лифт* — франц. *lift; траулер—траулер* — англ. *trawler* и др.

В молдавской научно-технической терминологии имеются термины, заимствованные непосредственно из западно-европейских языков, например: молд. *алпака* — нем. *Alpaka* «мельхиор»; *бужие* — франц. *bougie* «свеча»; *игнифуг* — франц. *ignifuge* «несгораемый»; *теу* — франц. *te* «тройник, рейсшина»; *ферибот* — англ. *ferry-boat* «железнодорожный паром»; *шенилэ* — франц. *chenille* техн. «гусеница» и др.

На базе заимствованных терминоэлементов образуются устойчивые терминологические словосочетания. Они подразделяются на четыре группы. В первую входят те словосочетания, которые состоят из двух или более элементов, имеющих терминологический характер (*мотор ку карбуратор* «карбюраторный двигатель», *мотор термик* «тепловой двигатель», *корозиуне електрокимикэ* «электрохимическая коррозия», *аутомобил електрик* «электрический автомобиль» и др.). Во вторую включаются словосочетания, в которых определяемый элемент является термином, а определяющий — словом общенационального употребления (*пресиуне интернэ* (екстернэ) «внутреннее (наружное) давление», *арборе котит* «коленчатый вал» и др.). В третью группу входят словосочетания, в которых определяющий элемент является термином, а определяемый может быть словом общенационального языка или термином (*гытул арборелуй*) «шейка вала», *сабот де фрынэ* «хвостки фрезы», *гытлежул аутокуплэрий* «зев автосцепки» и т. д.). В четвертую включаются такие терминологические словосочетания, в которых ни один из элементов не является термином (*гурэ де минэ* «ствол шахты», *коадэ де рындуникэ* «ласточкин хвост», *круче де Малта* «мальтийский крест», *фынтынэ оарбэ* «слепая шахта» и др.).

Формирование современной научно-технической терминологии молдавского языка представляет интерес в плане соотношения определенных терминологических формаций национального (молдавского) языка с языком межнационального общения народов СССР (русским), выявляющего некоторые типологические особенности неблизкородственных языков.

Особое значение имеют наименования признаков предметов в отвлечении от самих предметов. В русском языке эти отвлеченные признаки, как правило, оформляются существительными с суффиксами *-ость* или *-ство*. Данные существительные называют механические свойства, испытание материалов и др. В молдавском языке эти термины

в основном передаются посредством соответствующего адъективального корня с суффиксом *-итат-е (прочность— дурабилитате; хрупкость — фражилитате; вязкость* (текст.) — *вискозитате; твердость — дуритате; текучесть — флуидитате; жаростойкость — термостабилитате* и т. п.), реже используются другие суффиксальные формации: — *-енцэ, -анц-э (валентность—валенцэ; излучаемость—радианцэ; индуктивность — индуктанцэ; когерентность — коеренцэ; жароупорность — терморезистенцэ* и др.).

В русской терминологии предпочитается номинация понятия посредством однословного термина. В молдавском языке чаще используются аналитические терминологические словосочетания, весьма разнообразные по своей структуре: *анизотропность — карактер анизотропик; дисперсность — град де дисперсие; зольность — концинут ын ченушэ; добротность — валоаре калитативэ* (строит); *ползучесть — куржере лентэ; калорийность путере калорикэ; жаропрочность — резистенцэ ла температурь ынальте; красноломкость — фражилитате ла рошу; красностойкость — резистенцэ ла рошу; влагопоглощаемость — капачитате де абсорбире а умезелий* и т. д.

Весьма редки случаи, когда русское терминологическое словосочетание передается в молдавском языке однословным формантом *(замкнуть накоротко — а скуртчиркуита; замыкание накоротко — скуртчиркуитаре)*.

С помощью суффикса — *-ость* в русской научно-технической терминологии образуются термины не только от качественных, но и от относительных прилагательных. Подобные термины имеют в молдавском языке соответствия в виде терминологических словосочетаний *(волокнистость — прочент де фибре; контрастность — град де контраст; поточность — организаре ын флукс)*. Аббревиатуры русского языка, как правило, передаются путем расшифровки содержания: *бензорез — апарат де тэере ку флакэра де бензинэ.*

Таким образом, под влиянием русского языка для выражения новых понятий в молдавском языке создаются новые терминоэлементы и словосочетания, активизируются и совершенствуются экспрессивные возможности терминологии.

В молдавском, как и в любом другом языке, система терминов в плане содержания соотносится с системой понятий соответствующей отрасли науки или техники. Научно-технический термин характеризуется, как правило,

своим моносемантическим использованием. Так, молд. *вектор* (рус. *вектор,* франц. *vecteur,* лат. *vector* «ведущий несущий») определяется как «отрезок прямой, имеющий определенное положение и направление». Данная лексическая единица включается в систему (или «терминологическое поле») физических терминов, где она конкретизируется посредством различных детерминативов (*вектор аксиал* «аксиальный (осевой) вектор»; *вектор ондулаториу* «волновый вектор», *вектор чинетик* «кинетический вектор»; *вектор де транслацие* «вектор параллельного переноса» и т. д.).

Как известно, в науке и технике терминируются определенные основные категории понятий, а именно процессы или явления: предметы техники, т. е. материалы, орудия, инструменты, различные детали и т. д.; определенные свойства; расчетные понятия, т. е. параметры, геометрические образы, единицы измерения и т. д. В номинации этих категорий понятий используются, как правило, имена существительные. Другие части речи, например прилагательные, выступают чаще всего терминоэлементами, т. е. составляющими частей термина в целом.

Системность в терминологии реализуется путем классификации терминов в соответствующей отрасли науки и техники. Классификация основывается на выделении необходимых и достаточных для раскрытия содержания понятия признаков. Они и должны найти отражение в единообразном оформлении терминологических рядов. Современные наука и техника достигли такого уровня, который требует строгих научных признаков построения целостных систем наименований с определенными классификационными признаками.

Издание различных словарей по научно-технической терминологии молдавского языка [74] должно содействовать процессу стандартизации, т. е. обязательному применению этой терминологии как в справочной и учебной литературе, так и в технической документации, что способствует взаимопониманию между специалистами. В плане выражения системность научно-технической терминологии соотносится с различными морфологическими категориями, характерными для каждого языка.

В условиях НТР молдавский язык стал подлинным языком науки и техники. Любое научно-техническое понятие может быть тем или иным способом выражено и на молдавском языке.

Это осуществляется, во-первых, благодаря созданию лексико-фразеологической базы, обеспечивающей процесс образования новых терминологических формаций с целью полной передачи всех современных научно-технических достижений. Таким путем современный молдавский язык выполняет на более высоком уровне свою информативную функцию.

Во-вторых, идет речь о качественном преобразовании содержания многих молдавских научно-технических терминов, что позволяет обеспечить выражение новых понятий из области науки и техники.

В-третьих, необходимо отметить все более интенсивный процесс терминологических заимствований (прямых или калькированных) из русского и других языков.

В-четвертых, несомненен тот факт, что укрепилась системность молдавской научно-технической терминологии. Изменения семантической значимости можно понять лишь в пределах этой системы.

Сельскохозяйственная терминология

В результате научно-технической революции бурное развитие получили процессы терминообразования не только во вновь созданных отраслях знания, но и в сравнительно «старых» науках.

Молдавская сельскохозяйственная терминология имеет длительную историю, в которой отражаются особенности молдавского языка различных эпох. Многие слова-термины зафиксированы еще первыми памятниками письменности, которые относятся к XIV—XV вв. Те слова общенародного языка, которые по своему значению тесно связаны с сельскохозяйственным производством (*пэмынт* «земля», *апэ* «вода», *ярбэ* «трава», *копак,* «дерево», и мн. др.), бытуют еще со времен образования самого молдавского языка, т. е. с первого тысячелетия н. э. Значительная часть сельскохозяйственной терминологии заимствована из других языков. Еще в 1874 г. Б. П. Хашдеу доказал, что в сельскохозяйственной терминологии 8 из 10 случаев являются славянского происхождения (*плуг, браздэ, бороанэ, коасэ, огор, плявэ, сноп, стог* и др.) [75, с. 244].

Создание современных терминов происходит обычно в процессе сознательной активной деятельности ученых соответствующей специальности на основе строгой клас-

сификации понятийных признаков. Так, сравнительно недавно говорилось о том, что хорошие урожаи дает новая сельскохозяйственная культура *тритикале.* Сельскохозяйственная наука знает такой зерновой гибрид, который характеризуется пищевыми качествами пшеницы (лат. *triticum),* а также зимостойкостью и засухоустойчивостью ржи (лат. *secale).* Так был создан термин-гибрид *тритикале,* который соответствует терминологическим требованиям, он входит в сельскохозяйственную систему, имея интернациональное обращение. Однако словари еще не регистрируют этот термин.

В молдавском, как и в других языках, представлены четыре основных способа современного терминообразования: а) перенос значений; б) лексикализация словосочетаний; в) аффиксация; г) словосложение.

Довольно часто в процессе терминообразования используется перенос значений. Речь идет, во-первых, о простых, односоставных, давно известных терминах. Это, например, энтомологический термин *албилицэ* (рус. «капустная белянка»), или агрономический *арнэут* (рус. «арнаутка» — сорт пшеницы), или садоводческий термин *брыу* (или *инел)* в словосочетаниях: *брыу де клей, брыу клейос, брыу капканэ* (рус. «клеевой пояс», «клеевое кольцо») и др.

Названия новых сортов персиков образовались также путем семантического переноса значений. Так, один из сортов персиков называется *родитор* (т. е. «урожайный»), другой — *молдовенеск-галбен* («молдавский-желтый»). Перенос значений касается также и собственных имен. Например, имеется сорт персика под названием *лупан* по имени известного писателя, академика А. П. Лупана. Некоторые сорта вин *(Романешть, Пуркарь, Онешть* и др.) образованы от названий соответствующих населенных пунктов.

Другим способом терминообразования является лексикализация словосочетаний, которые, как правило, имеют в русском языке односоставные соответствия. В этом плане можно упомянуть такие термины, как *коада-шорицелулуй* «тысячелистник»; *коада-вулпий* «лисий хвост»; *коада-калулуй* «хвощ»; *лимба кынелуй* «чернокорень»; *мэлай-пэсэреск* «воробейник»; *мьеря-урсулуй* «медуница»; *рокица-рындунелей* «вьюнок»; *сынже-де-ноуэ-фраць* «драконово дерево» и др.

Молдавский язык является преимущественно аналитическим по своей морфологической структуре. Поэтому

односоставные термины русского языка, как правило, передаются в молдавском языке аналитическими словосочетаниями. Многие русские сельскохозяйственные термины образованы путем префиксации. В молдавском некоторые из них передаются лексикализованными словосочетаниями. Весьма продуктивным в этом отношении является русский префиксоид *высоко-* (рус. *высокобелковый* — молд. *богат ын протеине;* рус. *высокозольный* — молд. *богат ын ченушэ;* рус. *высокомасличный* — молд. *богат ын улей;* рус. *высокозерненный* — молд. *богат ын боабе* и др.). Когда этот префиксоид передает интенсивность, напряженность, то в молдавском имеется другое соответствие (рус. *высококачественный* — молд. *де ынaлтэ калитате;* рус. *высокомеханизированный* — молд. *де ун ынaлт нивел де механизаре;* рус. *высокопроизводительный* — молд. *де ынaлтэ продуктивитате* и т. п.). Если же *высоко-* передает смысл «большой», то молдавские соответствия включают слово *маре* (рус. *высокогорный* — молд. *де маре алтитудине;* рус. *высокосахаристый* — молд. *ку концинут маре де захэр* и т. д.). Иногда *высоко-* передается в молдавском интернационализмом *макро-* (рус. *высокомолекулярный* — молд. *макромолекулар* и др.).

В настоящее время и в молдавском языке аффиксация является одним из основных способов сельскохозяйственного терминообразования.

Префиксация, однако, занимает в сельскохозяйственной терминологии довольно скромное место, за исключением интернациональных префиксоидов (*ультра-, макро-, микро-* и др). Ср. молдавский микробиологический термин *ултравирус* (для которого имеется и аналитическое соответствие: *вирус филтрант); ултрамикроелемент.* Другие термины из данной категории: *макросомэ, макроспорогенезэ, микрофиточенозэ, микрочефал* и т. п.

Более широкое распространение как в сельскохозяйственной терминологии, так и в общелитературном языке, имеет в молдавском языке суффиксация. Путем суффиксации было образовано наименование новой науки о выращивании персиков (*персиколожие*) и название соответствующих специалистов (*персиколог*). Этот сельскохозяйственный термин пока не зарегистрирован ни в общих, ни в терминологических словарях, но бытует в соответствующей литературе и в передачах по радио и телевидению.

Намечаются следующие основные тенденции использования суффиксов: специализация и тенденция к регу-

лярности функционирования словообразовательных типов.

Специализация суффиксов означает закрепление за определенным суффиксом одного значения. Так, суффикс *-озэ* образует, как правило, наименования биохимических терминов (названия углеводов): *челулозэ* в отличие от фермента *челулазэ*; другие ферменты: *протеазэ, колестеразэ*. Ср. *лактозэ* как химический термин в отличие от биохимического термина *лактазэ*.

Синтаксические способы терминообразования выявляются в процессе словосложения. Идет речь, во-первых, о сочетании двух существительных в именительном падеже; *фуркэ-сэпэлигэ* «вилы-мотыга», *сечерэтоаре-легэтоаре* «жатка- (снопо) вязалка» и др. Во-вторых, и чаще всего, в молдавской терминологии происходит сочетание двух существительных, из которых второе употребляется в родительном падеже: *папукул-доамней* (бот.) «башмачок»; *гура-леулуй* (бот.) «львиная пасть»; *гытул флорий* (бот.) «зев венчика»; *оглинда лаптелуй* (зоотех.) «молочное зеркало», *оглинда апей* (гидр.) «зеркало воды»; *умэрул греблей* (тех.) «грабельный локоть» и т. д. Второе существительное может сочетаться с первым и путем предложной конструкции: *пахар де мулс* «доильный стакан»; *кэпэцынэ де курекь* (бот.) «вилок капусты».

Определяющее слово выступает в молдавском языке и в виде прилагательного: *грыу путерник* (моале) «сильная (мягкая) пшеница»; *оглиндэ черифер*э (термин пчеловодства) «восковое зеркальце»; *женункь субкотиледонал* (бот.) «подсемянодольное колено»; *фабрикэ авиколэ* «птицефабрика» и др.

В настоящее время в терминологии любой отрасли знаний намечаются две тенденции: систематизация и стандартизация соответствующих терминов.

В плане систематизации подбираются термины, относящиеся к родственным, но все же различным понятиям. Затем они получают единообразное оформление в терминологических рядах. Так, существуют определенные термины для наименования различных специалистов в области агрономии: *агроном-витикултор* «агроном-виноградарь», *агроном-винификатор* «агроном-винодел», *агроном-зоотехничиан* «агроном-животновод», *агроном-череалист* «агроном-зерновик», *агроном-лекумикултор* «агроном-овощевод», *агроном-помикултор* «агроном-садовод», *агроном-фитотехничиан* «агроном-растениевод», *агроном-флорикултор* «агроном-цветовод», *агроном-практичиан* «агро-

ном-практик», *агроном-черчетэтор* «агроном-исследователь» и т. д.

Сама форма термина должна отразить те признаки деления, которые лежат в основе исходной классификации понятий. Термины образуются путем сложения компонентов, каждый из которых выражает индивидуальный или общий признак понятия. Так, когда используется термин *винилпласт,* имеется в виду «пластическая масса на основе поливинилхлорида».

В практическом плане унификация терминологии осуществляется путем стандартизации, которая действует во всех отраслях науки и техники. При Президиуме АН СССР и республиканских академий созданы специальные комитеты научно-технической терминологии. Твердо установленные стандартные наименования публикуются в специальных изданиях. Комитеты стараются устранять синонимию и омонимию, по карйней мере в пределах определенной терминологической системы. Существует и международная организация по стандартизации (ISO), стремящаяся к реализации сотрудничества всех заинтересованных стран.

Важным вопросом упорядочения является выделение основных групп сельскохозяйственных терминов. Это, во-первых, наименование трудовых процессов. При этом в современной агротехнике появляются новые разновидности данных процессов и их наименований. Так, наряду с давно известным в молдавском языке агрономическим термином *семэнат* «сев» появился новый составной термин *семэнат суб плантэ протектоаре* «подсев». Ср.: *Семэнатул лучерней суб протекция череалелор де тоамнэ* — «подсев люцерны в озимые». Другой пример. Давно известен агрономический термин *арат, арэтурэ* «вспашка». В связи с освоением целинных и залежных земель и с появлением книги Л. И. Брежнева «Целина» особое распространение получил в молдавском языке термин *десцелинире* «подъем целины», глагол *а десцелини* «поднять целину» и др.

В полеводстве появилась индустриальная технология возделывания кукурузы (свеклы и других культур), ср. молд. *технолоѫия индустриалэ де култиваре а пэпушоюлуй (сфеклей).*

Давнюю историю в овцеводстве имеет термин *тунсул оилор* «стрижка овец». В настоящее время употребляются и термины *тунсул електрик* «электрострижка» и *тунсул*

механизат (ку машина) «механическая (машинная) стрижка» и т. п.

Кроме того, появилось множество названий сельскохозяйственных организаций, служб и заведений. В молдавском они передаются, как правило, лексикализованными словосочетаниями: *фермэ (крескэтории) де порчь* «свиноферма»; *топитории де кынепэ* «коноплезавод»; *букэтэрие де нутрецурь* «кормокухня»; *ливадэ палметикэ* «пальметтный сад» и т. п.

В настоящее время все государственные хозяйства МССР входят в состав агропромышленных и научно-производственных формирований: 340 хозяйств виноградарского, эфиромасличного, плодоовощеводческого, табаководческого направления, объединившись с перерабатывающими заводами, образовали совхозы-заводы, 15 хозяйств, соединившись с техникумами, создали совхозы-техникумы, 120 хозяйств совместно с отраслевыми, сельскохозяйственными, а также технологическими институтами слились в 13 научно-производственных объединений. В 1981 г. в рамках административно-территориальных районов насчитывалось 60 агропромышленных объединений. [87, с. 464]. В связи с этим получили широкое распространение соответствующие наименования: *асочиацие штиинцификэ де продучере* (сокращение АШП) «научно-производственное объединение» (НПО)»; *асочиацие агроиндустриалэ* «аграрно-промышленное объединение»; *асочиацие пентру механизаря ши електрификаря продукцией агриколе* «объединение механизации и электрификации сельскохозяйственного производства»; *асочиацие пентру продучеря ши прелукраря нутрецурилор* «объединение по производству и переработке кормов» и др.

Для наименования некоторых объединений в молдавском использованы русские аббревиатуры, которые удобны для передачи самой сути данного понятия. В то же время они подходят и для использования многокомпонентного термина в качестве объекта стандартизации. Таким путем появились молдавские терминосочетания типа: *асочиация Молдэфиромаслопром* «объединение Молдэфиромаслопром», *асочиация агроиндустриалэ Молдвинпром* « агропромышленное объединение Молдвинпром» и т. п.

С появлением новых сельскохозяйственных машин и агрегатов получили широкое распространение соответствующие названия, которые в молдавском выражены, как правило, лексикализованными словосочетаниями. Приме-

ры: *машинэ де сэдит картофь* «картофелесажалка». Ср. названия разных специализированных видов данных машин: *машинэ де сэдит картофь ын куйбурь ашезате ын патрат* «квадратно-гнездовая картофелесажалка»; *машинэ суспендатэ де сэдит картофь* «навесная картофелесажалка»; *машинэ реморкатэ де сэдит картофь* «прицепная картофелесажалка» и др. Названия других машин: *агрегат де стрынжере а нутрецулуй* «кормоуборочный агрегат»; *арункэтор де грэунце* «зернопульт»; *апарат електрик де мулс* «электродоильник» и т. п.

Специализация касается и названий сельскохозяйственных машин: *сечерэтоаре-легэтоаре де кынепэ* «коноплесноповязалка»; *пептэнэтоаре де ин* «льночесалка»; *ускэтории де тутун* «табакосушилка» и т. п.

При этом наблюдается тенденция к образованию семантически однородных терминов. Все они выражены в молдавском довольно сложными, но в то же время точными составными терминосочетаниями: *комбайн пентру реколтаря картофилор (пэпушоюлуй, грынелор, сфеклей, инулуй, трифоюлуй)* «картофеле- (кукурузо-, зерно-, свекло-, льно-, клеверо-) уборочный комбайн».

В молдавском языке осуществляется и семантико-морфологическая дифференциация терминов, указывающих на: а) лиц, занятых определенной сельскохозяйственной работой; б) агрегаты, выполняющие сельскохозяйственные работы. Подобная дифференциация выражается в молдавском языке различными формами множественного числа. Наименования лиц передаются формами мужского или женского рода, а названия агрегатов — формами обоюдного рода. Например: *кулегэтор,* мн. ч. *кулегэторь* «собиратель» (лицо); *кулегэтор,* мн. ч. *кулегэтоаре (де штюлець)* «собиратель (початков и т. п.)» (агрегат); маркатор, мн. ч. *маркаторь* «маркировщик» (лицо)»; *маркатор,* мн. ч. *маркатоаре* «маркировщик» (агрегат).

Таким образом, противопоставление единственного и множественного чисел имеет в данном случае и семантическую дифференцирующую значимость.

Имеется довольно большое число сельскохозяйственных профессий, название которых обусловлено узостью специальности, видом выполняемой работы: *мулгэтоаре* (муж. род *мулгэтор)* «доярка (дояр)»; *вэкэрицэ, ынгрижитоаре де вачь (вэкар, ынгрижитор де вачь)* «коровница» (коровник); *ынгрижитоаре де вицей* «телятница»; *ынгрижитоаре де пэсэрь* «птичница»; *ынгрижитор де порчь, поркар* «свинарь» и др.

Давно известны термины *ротар* «колесный мастер», *фынтынар* «колодезный мастер», *шелар* «седельный мастер» и т. п. Через прессу, радио и телевидение сейчас пропагандируются новые термины: *майстру механизатор* «мастер механизации», *мештер (майстру) ын общинерл реколтелор марь* «мастер высоких урожаев», *оператор* (жен. род *операторе*) или *мештер ал мулсулуй механизат* «оператор (или мастер) машинного доения» и др.

Целая система терминов, морфолого-лексически однородная, называет различных специалистов и соответствующие отрасли сельского хозяйства: *култиватор де сфеклэ* «свекловод», *култура (култиваря) сфеклей де захэр* «свекловодство»; *култиватор де пэпушой* «кукурузовод»; *култура (култиваря) пэпушоюлуй* «кукурузоводство»; *култиватор де тутун, тутунар* (жен. род *тутунэрясэ*) «табаковод»; *култура (култиваря) тутунулуй, тутунэрит* «табаководство»; *култиватор де легуме, легумикултор, грэдинар* «овощевод»; *култура (култиваря) легумелор, легумикултурэ, грэдинэрит* «овощеводство»; *култиватор де помь ши арбуштъ фруктиферь, помикултор* «плодовед», *культура (культиваря) помилор ши арбуштилор фруктиферь* «плодоовощеводство, плодовое садоводство»; *помолог* «плодовед, помолог»; *апикултор (ступар, присэкар, албинар)* «пчеловод»; *апикултурэ, ступэрит, албинэрит «пчеловодство»*; *крескэтор де ой, оер* «овцевод»; *крештеря оилор, оерит, овикултурэ* «овцеводство»; *крескэтор де вите (анимале)* «животновод»; *крештеря вителор* (анималелор) «животноводство».

Важную роль в процессе упорядочения терминологии, в том числе сельскохозяйственной, играют лексикографические работы. В 1971 г. в Кишиневе был издан «Русско-молдавский сельскохозяйственный словарь» [76], включающий и термины отраслей, смежных с сельским хозяйством: фототехники, зоотехники, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, почвоведения, охраны природы и растений, пчеловодства, рыболовства, ветеринарии, организации и экономики сельского хозяйства и др. Безусловно, данный словарь сыграл большую роль в процессе стабилизации и упорядочения молдавской сельскохозяйственной терминологии. Наблюдения над развитием молдавского языка, особенно послевоенного периода, убеждают в том, что сейчас происходит весьма активное влияние разговорного языка на книжную речь, в частности, на терминологию. Поэтому издаваемые словари и должны учитывать эту тенденцию. Так,

в качестве молдавского эквивалента к русскому зоотехническому термину *лошак* необходимо учесть не только заимствованное из французского (bardot) слово *бардоу,* но и давно известный и ставший общенародный термин *катыр.* К русскому термину *кукурузохранилище* кроме соответствий *кошар, пэтул, хамбар пентру порумб (пэпушой)* надо иметь в виду и распространенный народно-разговорный термин *сысыяк,* который используется и в художественной литературе, в частности, у класика молдавской литературы И. Крянгэ. Кроме того, надо подчеркнуть, что такие сложные, громоздкие, описательные терминосочетания, как *лукрэтор ла десцелинире* (21 звук, три слова) или *лукрэтор пе пэмынтурь десцелините* (30 звуков, 4 слова) не имеют никаких шансов войти ни в общеразговорную речь, ни в литературное творчество. Следует включить вновь созданное слово *целинар* (всего 7 звуков), которое получило самое широкое распространение, особенно после опубликования книги Л. И. Брежнева «Целина».

В этом аспекте другой пример. Для понятия «зябь» (четыре звука, одно слово) менее подходит соответствие *огор негру де тоамнэ* (17 звуков, 4 слова) и *арэтурэ адынкэ де тоамнэ* (21 звук, 4 слова). Слово *зэбле* (5 звуков, 1 слово), безусловно, следует одобрить и приветствовать.

Предпочтительным является молдавский народно-разговорный термин *шишкарницэ* (10 звуков, одно слово) как соответствие русскому *соломорезка* (11 звуков, одно слово) перед составным молдавским термином *токэтоаре де пае* (14 звуков, 3 слова).

Подобные приемы лексической концентрации составных терминов следовало бы использовать как можно шире, поскольку длинные терминообразования затрудняют общение людей, засоряют устную и письменную речь ненужными терминами.

Не соответствует тенденции к систематизации и стандартизации наличие двух терминов для одного и того же понятия. Например, русскому термину агроном-селекционер не следует давать *агроном селекционист* и *агроном селекционар.* По-видимому, второй термин является предпочтительным.

Необходимо иметь в виду, что использование сельскохозяйственной терминологии не ограничено узким кругом специалистов, как это имеет место с терминологией других областей знаний, например квантовой механики или

атомной энергетики. Сельскохозяйственные термины все шире и прочнее входят не только в общеразговорную речь, но и в литературное творчество. Может быть, нигде больше, кроме как в сельском хозяйстве, не выявляется не только теоретическое, но и прикладное, практическое значение исследований в области сельскохозяйственной терминологии.

Вопросы упорядочения сельскохозяйственной терминологии — в Молдавии, как и в других республиках — решаются объединенными усилиями специалистов по сельскохозяйственным наукам и филологов. Уже установленные, стандартные термины включаются в соответствующие словари и монографии [67].

Общественно-политическая терминология

Истоки общественно-политической терминологии следует искать также в предыдущих исторических периодах развития молдавского народа.

Некоторые из общественно-политических терминов используются уже в трудах Дм. Кантемира, правда не всегда в той форме, которая употребляется в наши дни. У Кантемира в «Иероглифической истории» толкуются такие общественно-политические термины, как *активитас* (сегодня *активитате* «деятельность»); *диалектик; димократие (демокрацие), дипломатие (дипломацие), идеи, категорие, материе, монархие* и др.

В течение XIX в. и в начале нашего века писатели и публицисты ввели в обиход ряд общественно-политических, философских и других терминов, бытующих и до сих пор: *идеал, реалитате* «реальность», *екзистенцэ* «бытие, существование», *каузэ* «причина», *систем, симбол* и др.

Эпохальное событие совершилась 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 г. Залпы крейсера «Аврора» изменили и смысл наименования осеннего (десятого) месяца октября, придав ему знаменательный глубокий смысл. Заимствованное во всех языках мира из русского и написанное с большой буквы слово *Октябрь* (молд. *Октомбрие*) стало символом молодости человечества, символом мира и социализма. С этим словом связаны надежды народов, стремящихся к свободе и независимости, к самостоятельной жизни.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эру в истории человечества. Она содействовала развитию всех отраслей народного хозяйства нашей страны. Огромные преобразования в экономической, политической, социальной и культурной жизни всех советских народов вызвали развитие и переосмысление социально-политической терминологии и в молдавском языке.

Когда 12 октября 1924 г. была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика, появился административно-политический термин *Советул Комисарилор Нородничь* «Совет Народных Комиссаров». Уже в то врмея были известны такие терминологические словосочетания, как: *Армата Рошие* «Красная Армия», *сымбэта рошие* «красная суббота», *субботник, думиника рошие* «красное воскресенье», *воскресник* (сегодня используется в молдавском и термин *думиникал*).

31 августа 1935 г. Алексей Стаханов в угольной шахте Донбасса добился рекорда в добыче угля. Во все языки советских народов вошли тогда слова, отражающие это событие. В молдавском появились новые слова и словосочетания: *стахановист* «стахановец», *мишкаре стахановистэ* «стахановское движение», *стахановизм* и др. Когда в 1959 г. в Ленинграде был пущен на воду атомный ледокол «Ленин», в молдавском стали пользоваться термином: *навэ атомикэ* «атомное судно».

В связи с тесными взаимоотношениями с различными зарубежными народами, особенно из освободившихся стран, и с образованиями новых государств в молдавском, как и в других языках мира, появились названия соответствующих народов: *заирез, конголез, сенегалез, сомалез; кениот* «кениец»; *чиприот* «киприот»; *кубанез* «кубинец» (в отличие от *кубан* «кубанец»). Широкое распространение получили и названия давноизвестных народов: *уругуаян* «уругваец», *баск, араб, унгур* или *магяр* «венгр», *бретон* и др., а также название различных советских народов: *киргиз, казак, азербайжян* «азербайджанец», *армян «армянин», евенк* «эвенк», *чукче* (мн. *чукчь*) «чукча» и т. д.

Наименования жителей наших городов и сел стали также широко употребительны в периодических изданиях, в передачах по радио и телевидению, в различных публикациях: *московит* «москвич», *ленингрэдян* «ленинградец, ленинградский», *киевян* «киевлянин», *ростовян* «ростовчанин», *кишинэуян* «кишиневец», *бэлцан* «бельчанин»,

комрэцан «комратчанин», *вулкэнештян* «вулканештец» и др.

В настоящее время широко используются названия различных учреждений, отношения между ними: *касэ-лаборатор* «хата-лаборатория», *грэдиницэ-крешэ* «детсад-ясли; *пункт де ажитацие* «агитпункт»; *интерколхозник* «межколхозный», *интеррайонал* «межрайонный», *интердепартаментал* «межведомственный» и т. п.

Некоторые термины связаны с различной деятельностью или занятиями советских людей: *аутоактивитате* «самодеятельность», *мункэ обштяскэ* «общественная работа», *ындрумэтор ал тинеретулуй* «наставник молодежи» и т. д.

Различные акции внешней политики Советского государства породили соответствующие терминосочетания: *ынтылнире ла нивел ыналт* (или *ла чел май ыналт нивел)* «встреча на высшем уровне»; *скимб де визите ла нивел гувернаментал* «обмен визитами на правительственном уровне», *цэрь ын курс де дезволтаре* «развивающиеся страны», *стате неангажате* (или *неалинияте)* «неприсоединившиеся страны» и др.

В большинстве случаев образование социально-политических терминов происходит путем калькирования по различным образцам.

У советских народов, как правило, калькирование осуществляется по структурным образцам русского языка. Таким путем были созданы наименования новых способов социалистического производства и его организации: *план де продучере* «производственный план», *ынтречере сочиалистэ* «социалистическое соревнование», *семнул де стат ал калитэций* «государственный знак качества», *конструиря каселор дин паноурь марь* «крупнопанельное домостроение» и др.

Лингвистическими кальками являются наименование нашего государства — *Униуня Републичилор Советиче Сочиалисте* «СССР», наименования союзных и автономных республик: *РСС Молдовеняскэ* «Молдавская ССР», *РАСС Чечено-Ингушэ* «Чечено-Ингушская АССР»; наименование государств социалистического содружества — *Република Сочиалистэ Чехословакэ* «Чехословацкая Социалистическая Республика», а также капиталистических стран: *Република Федеративэ а Жерманией* «Федедеративная Република Германия», *Мареле Дукат де Луксембург* «Великое Герцогство Люксембург» и др.

Путем калькирования образованы молдавские названия административных и партийных органов: *Советул Супрем* «Верховный Совет», *Советеле де депутаць ай нородулуй* «Советы народных депутатов», *Комитетул Чентрал ал ПКУС* «Центральный комитет КПСС» и др.

Термины различных отраслей производственной, общественной и научной жизни формируются также путем калькирования: *лампа луй Ильич* «Лампа Ильича», *колцул (колцишорул, унгерашул) рошу* «красный уголок», *мунчитор калификат* «квалифицированный рабочий», *космонаут черчетэтор* «космонавт исследователь», *копрешединте* «сопредседатель», *чинчсутист* «пятитысячник» *мештер-мынь де аур* «мастер золотые руки» и др.

Великая Октябрьская Социалистическая революция раскрепостила женщину. Советская женщина имеет те же права, что и мужчина. Она играет активную роль в политической, экономической и культурной жизни страны. Нет такой отрасли народного хозяйства, науки и культуры, где бы в настоящее время не участвовали женщины. Если в 1947 г. в Молдавской ССР было всего 8,4 тысяч женщин-специалистов, то в настоящее время число женщин, занятых в народном хозяйстве, составляет более 60 тысяч, т. е. увеличилось более чем в 7 раз. При этом в ряде отраслей удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих систематически повышается. Так, среди работников здравоохранения женщины составляют 78%, просвещения — 66%, в торговле и общественном питании — 58% [82].

В связи с этим, в молдавском языке появились различные слова и словосочетания по установившимся в языке моделям: *шоферицэ, мотористэ, бригадирэ, комбайнерэ, прешединтэ; зиуа фемеий* «день женщины», *бригадэ де фемей* «женская бригада», *фемее-трудитоаре* «женщина-труженица» и т. п.

Молдавский народ вместе со всеми советскими и миролюбивыми народами всего мира активно участвует в борьбе за мир во всем мире. В связи с этим появилось много словосочетаний со словом *паче* «мир»: *луптэтор пентру паче* «борец за мир», *Консилиул мондиал ал Пэчий* «Всемирный совет Мира», *коекзистенцэ пашникэ* «мирное сосуществование» и др. В этом же контексте следует упомянуть многие терминосочетания, связанные с энергичными действиями советского народа с целью обеспечения мира на всем земном шаре, как например, *дестиндеря ынкордэрий ын релациие интернационале*

«ослабление напряженности в международных отношениях».

Число калькированных формаций в молдавском (как и в языках других советских да и зарубежных народов) весьма значительно. Около 80% всех лексических нововведений образуются путем калькирования по русскому образцу. Таким путем молдавский язык во многом обогащает свои выразительные ресурсы.

Некоторые общественно-политические термины проникают из других языков также через посредство русского: *аспирант, ажитатор, инструктаж, репортаж, абстракционизм, свитер, структурализм, комбинезон, коктейл* и др.

Русский язык является могучим стимулом для развития языков народов СССР и зарубежных стран. Под влиянием живого разговорного и литературного русского языка, путем непосредственного общения с русскими и представителями других наций и национальностей, при осуществлении переводов из русской классической и современной литературы, из мировой классики через посредство русского языка в молдавском (как и в других национальных языках) происходит процесс создания или активизации различных лексико-фразеологических единиц, называющих новые понятия, особенно с абстрактным или терминологическим значением. Морфологическое оформление в данном случае — это национальное (молдавское или шире романское), а импульс, толчок к созданию подобных единиц идет со стороны русского языка. Особенно следует обратить внимание на русские лексико-терминологические формации с суффиксом -ость, образующих существительные, выражающие признак или качество без того, чтобы относить их к определенному предмету. Молдавские соответствия сопровождаются, как правило, суффиксом *-тат-е* (из лат. *-tatem*). Можно проследить подобные соответствия, которые в обоих языках образованы на основе одного и того же корня, в большинстве случаев латинского или романского происхождения (рус. *стабильность* — молд. *стабилитате,* лат. *stabilitatem* «прочность, надежность» *объективность — обьективитате* лат. *objectus* «предмет, явление»; *коллегиальность — колежиалитате,* лат. *collega «сослуживец»; периодичность — периодичитате,* лат. *periodicus* «периодический»; *гениальность — жениалитате,* лат. *genialis* «плодовитый»; *оригинальность — оржиналитате,* лат. *origo,* «происхождение» и др.) Аттестованы такие соответствия и у слов, образованных от славяно-русских корней: *сознательность — кон-*

штиинчиозитате; общительность — сочиабилитате; щепетильность — скрупулозитате; современность — контемпоранеитате; непрерывность, преемственность — континуитате; изобретательность — инвентивитате; избираемость — слективитате; заболеваемость — морбидитате и др.

Иногда русские слова с суффиксом *-ость* передаются соответствующими молдавскими словами с суффиксами: *-име (общественность — общтиме; ясность — лимпезиме), -инц-э (-енцэ) (потребность — требуинцэ; (не) возможность — (не)путинцэ, посещаемость — фреквенцэ), -изм (революционность — революционаризм, фракционность — фракционаризм), -нич-ие (достойность — дестойничие, обоснованность , основательность — темейничие).*

Весьма редки другие соответствия: *естественность — натуралецэ; успеваемость — реушитэ; уверенность — чертитудине* и др.

Поскольку молдавский язык имеет довольно ярко выраженный аналитизм в своей грамматической структуре, появляются и некоторые ситуации, когда русский термин (на *-ость*) не может быть передан на молдавском единой цельнооформленной лексической единицей: *автобиографичность — карактер аутобиографик, карактер де аутобиографие, дисциплинированность — карактер дисчиплинат, спирит де дисчиплинэ, категоричность — карактер категорик, символичность — карактер симболик* (появляется и *символичитате*) и др.

Поскольку молдавский суффикс *-тат-е* имел в прошлом и имеет и сегодня широкую распространенность в современном языке, его приспособление в качестве соответствия к русскому *-ость* осуществилось довольно легко, так как это делается на основе исторического развития в соответствии с внутренними законами молдавского и русского языков.

И в общественно-политической, как и в другой терминологии, словообразование путем префиксации не получило в молдавском широкую употребительность. По образцу более ранних известных лексем типа: *коаутор* «соавтор», *копэрташ* «пайщик, соучастник» *конлокуитор* «совместно проживающий», *конлокуире* «сожительство», *консэтян* «односельчанин», *комесян* «сотрапезник», *кончетэцан* «согражданин» и др. в настоящее время получили довольно широкое распространение новые лексические формации: *копрешединте* «сопредседатель», *колокатар* «сожитель», *копроприетар* «совладелец», *коакузат* «сообвиняемый», *копродукцие* «совместный фильм», *коинтере-*

саре «заинтересованность», *коасочият* «компаньон», *коекипер* «член (одной и той же) группы», *коекзистенцэ* «сосуществование», *конационал* «соотечественник», *коншколар* «соученик», *корапорт* «содоклад» и др.

Префиксоиды типа *теле-, анти-, супра-* и др. играют важную роль в процессе терминообразования: *телеспектатор* «телезритель», *телегидат* «телеуправляемый»; *антимилитар* «антивоенный», *антилуме* «антимир»; *супранатурализм* и др.

Определенную группу лексических единиц, распространенную особенно после революции, составляют аббревиатуры, т. е. сложносокращенные слова. Стремление к сокращению довольно значительного количества лексем объясняется тенденцией экономии пространства и в периодической прессе, и в книгах. В настоящее время особую роль в этом стремлении играют русский и английский языки.

Молдавские аббревиатуры выступают в виде акронимов и образуются из начальных букв сокращенных слов: *ПКУС* «КПСС», *КЧ—ЦК, РССМ* «МССР», *КАЕР* «СЭВ» *СУА «США»* и др. Некоторые аббревиатуры вошли в молдавский как лексикализованные единицы из русского (комсомол, Донбас, райком и др.) или из других языков (ЮНЕСКО «Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры»; *НАТО* «Организация Североатлантического договора»).

Много усеченных слов используется в современном молдавском языке: *проф.* (професор), *тов.* (товарэш): *чинема* (чинематограф), *метроу* (метрополитен), *таксиу* (таксиметру), *метео* (метеороложие, метеороложик).

В связи с большими социально-политическими, экономическими и культурными преобразованиями в нашей стране наблюдаются и в молдавском языке различные семантические изменения.

Новое значение получило в нашем обществе слово *пионер*. Оно происходит от фр. *pionnier,* «первопроходец, зачинатель» на базе слова *pion «пеший»* от лат. *pes, pedis* «нога». До Великого Октября *пионер* имел такие значения: а) человек, первым проникший в неизведанную, новую страну. Это значение получило большое распространение в XIX в., особенно после выхода в свет в 1823 г. романа «Пионеры» американского писателя Джеймса Фенимора Купера; б) человек, прокладывающий новые пути в какой-либо сфере деятельности: *«пионерий*

космонаутичий» «пионеры космонавтики», *пионерий чибернетичий* «пионеры кибернетики»; в) солдат из военно-инженерных войск во Франции, Германии и до начала XIX в. и России (теперь *сапер*).

19 мая 1922 г. была создана Всесоюзная детская организация (от 7—14 лет), которая носит имя В. И. Ленина. С тех пор *пионером* и называют члена этой организации (в СССР в 1980 г. было 25 млн. пионеров), а также ряд детских демократических организаций в других странах. На основе данной лексической единицы образован и в молдавском ряд слов и словосочетаний: *пионерат* «пионерство»; *инструктор де пионерь* «пионервожатый», *деташамент де пионерь* «пионерский отряд»; *лагэр пионереск интергосподэреск* «межведомственный пионерский лагерь» и др.

Развитие современного молдавского языка касается и изменения эмоционального колорита некоторых слов. Такие слова, как: *атеист, сочиалист, комунист, болшевик, пролетариат* и др. не имеют сегодня в молдавском языке того отрицательного значения, которое они имели в буржуазном жаргоне до Великой Октябрьской революции в нашей стране и которое сохраняется и до сих пор в реакционных кругах капиталистических стран. В СССР, в странах социалистического содружества и в прогрессивных слоях других стран подобные лексические единицы называют передовых, преданных сынов и дочерей советского народа.

Пролетариат — /неуклюже и узко/тому, /кому/комунизм — западня. /Для нас/ это слово — /могучая музыка, /могущая / мертвых сражаться поднять (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин).

В современном молдавском языке наблюдается и противоположное явление. Если и используются иногда такие слова, как: *боер* «боярин», *домн* «господин», то они получили сегодня ироническое, саркастическое значение, поскольку относятся к эксплуататорам трудящихся масс.

А венит ун *домн* ла ной ын царэ
Ун «турист» де дупэ очеан
Ши а дорит сэ вадэ кум ый вяца
Ынтр'ун сат мулдовенеск нистрян.

(П. Крученюк)

(досл. Прибыл в нашу страну господин, «турист» из-за океана и пожелал увидеть, как живут в молдавском днестровском селе).

* * *

В специальных лексикографических работах кодифицирована социально-политическая терминология современного молдавского литературного языка [79].

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ РАВНОПРАВНЫХ ЯЗЫКОВ
(Заключение)

Как ты сам смог убедиться, дорогой читатель, история молдавского языка с начала его появления и до наших дней ярко свидетельствует о жизненности и творческой лингвистической силе молдавского народа, который прошел весьма сложным, тяжелым путем, но отстоял свои специфические особенности и сегодня может служить основой для решения не только своих внутриструктурных проблем, но и вопросов общего языкознания, касаясь особенно лингвистического контактирования с родственными и разносистемными языками [70].

Как указывал великий русский педагог К. Д. Ушинский, «в языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа» [81, с. 147].

Во всех национальных языках народов СССР находят свое отражение новые события, факты и отношения, известные как в нашей стране, так и за ее пределами. Выражаясь словами поэта,

В словах закреплены события,
в словах — леса, поля соцветия.
Одною связанные нитью,
они идут к нам сквозь столетья.

(*Павло Тычина.* Чувство семьи единой).

Одним из самых ярких примеров в этом отношении могут служить действия, предпринятые советским народом в 1954 г. по освоению целинных и залежных земель, которые стали событием огромной важности не только в экономической, но и политической, социальной и культурной жизни всех народов СССР. Это событие не могло не найти своего отражения и в языках советских народов. 15 марта 1974 г., в Алма-Ате, в речи на торжественном заседании по случаю 20-й годовщины освоения целины Л. И. Брежнев говорил: «В русский язык, в языки других народов Советской страны прочно вошло новое слово —

«целинник». А это значит, дорогие товарищи целинники, что ваш труд увековечен в памяти народной. Более высокой награды нет и, пожалуй, не может быть!» [9, с. 437].

В своей книге «Целина» Л. И. Брежнев уточнил: «Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени».

Таким путем национальные языки пополняют свои выразительные возможности новыми средствами.

В связи с указанным событием в молдавском языке не только активизировалось существительное *целинэ* (со значением «никогда не паханная земля») и глагол *а десцелини* («поднимать целину»), но и образовалось новое слово — *целинар* «целинник», имеющее функцию и существительного, и прилагательного. Появились и производные: *прим целинар* «первоцелинник»; *чей динтый целинарь* «самые первые целинники». Кроме того, появились новые словосочетания, как: *епопее целинарэ* «целинная эпопея», *примэварэ (тоамнэ) целинарэ* «целинная весна (осень»), *колективе де ла целинэ* «целинные коллективы» и др.

В целом нужно сказать, что развитие молдавского языка в настоящее время не отличается в принципе от подобного же эволюционного процесса других языков советских народов, так как Советская власть создала одинаковые условия для усовершенствования и процветания языков всех наций и национальностей, проживающих в необъятной Стране Советов.

Совсем другое положение было в прошлом. До Великой Октябрьской социалистической революции неграмотное население России составляло 75% (среди женщин 90%), а в Азиатской части уровень грамотности был совсем ничтожным. В бывшей Бессарабии в 1897 г. неграмотность среди мужчин составляла 81,8%, а среди женщин — 96% [82, с. 300]. В 1979 г. в Молдавской ССР число обучавшихся в вузах возросло по сравнению с 1940 г. более чем в 20 раз. Все это выражается в процессе языковой коммуникации, посредством родных языков народов СССР и языка межнационального общения — русского языка.

Молдавский язык — единственный романский язык на территории Советского Союза. У него богатая устная и письменная традиции. Его истоки, как мы видели, уходят в глубь веков, доходя до первого тысячелетия. При этом одна из его характернейших особенностей состоит в том,

что, будучи по своему происхождению и структуре романским языком, на протяжении многих веков его историческая судьба тесно переплеталась со славянским языковым миром. Ф. Энгельс говорил о «латинской и славянской этимологии» [5, с. 3] как основе лексической системы восточно-романских языков. В другом месте Ф. Энгельс писал, что говорящие на этом языке «с одинаково очаровательной небрежностью обращаются с латинским и со славянским (из которого восприняли много слов и звуков)» [4, с. 520].

Тесные молдаво-славянские связи касаются не только устно-разговорной речи, но и письменности. Испокон веков молдаване пользуются славянским шрифтом. Классик молдавской литературы Алеку Руссо так и писал, что, поскольку вплоть до XVII в. «славянский язык был политическим, официальным и религиозным языком придунайских стран» [35, с. 292], то вполне понятно, что и их письменность «началась с кирилловских букв» [35, с. 291].

Об этом алфавите восторженно высказался современный французский языковед Жосеф Вандриес [83, с. 296]: «Славянский алфавит Кирилла и Мефодия — это настоящий шедевр». А в наши дни при сопоставлении латинского алфавита со славянским эксперты ООН признали преимущества славянского алфавита [84, с. 70]. Неудивительно поэтому, что в настоящее время около 60 языков мира пользуются данным алфавитом. Молдавские летописи и народные романы, официальные документы молдавской канцелярии, произведения классиков и современных писателей писались и пишутся славяно-русским шрифтом. Эта традиция многовековая, прочная, надежная, она сплачивает молдавскую культуру, как и культуру других советских народов, вокруг славяно-русской богатейшей культуры и литературы.

Во всех национальных республиках СССР, в том числе в МССР, сфера функционирования национальных языков намного расширилась, так как в школах всех ступеней преподавание ведется на национальных языках. На этих языках ведутся передачи по радио и телевидению, издаются многочисленные газеты и журналы, разнообразные книги. В целом, повышается культурный уровень всех слоев населения. Таким путем полифункциональность стала одной из характерных особенностей развития языков советских народов, в том числе молдавского, в советский период.

Это означает, что на молдавском языке не только пишутся стихи, произведения драматургии и прозы, но и научно-исследовательские труды. На нем издаются большими тиражами газеты и журналы, книги на самые различные темы и по многочисленным специальностям. На этом же языке ведутся передачи по радио и телевидению. Издаются законы.

Известный советский поэт, дагестанец (а именно авар по национальности) Расул Гамзатов, образно выражаясь, как-то сказал о судьбе национальных языков: «Для меня языки народов — как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют и звезды. Пусть у каждого человека будет своя звезда».

По данным последней переписи населения СССР (17 марта 1979 г.) 153,5 миллионов человек назвали русский своим родным языком, из них 137,2 миллиона русских и 16,3 миллиона представители других национальностей. Кроме того, 61,3 миллиона человек заявили, что свободно владеют русским в качестве второго языка. Вместе с тем тяга к овладению русским языком отнюдь не означает ослабление позиций других национальных языков, так как свободное употребление любых языков во всех сферах жизни закреплено конституционным порядком. «Социализм не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих других народов» [10, с. 18].

В подтверждение данного положения газета «Правда» писала (27 августа 1982 г.): «Сознание принадлежности к нации формируется у индивида вместе с умением говорить, с овладением родной речью. Учитывая это, можно понять большое социальное значение двуязычия или многоязычия в практике межнационального общения. Причем речь идет не только об овладении русским языком, как языком национального общения, что, безусловно, соответствует интересам развития каждой нации, каждой республики, но и в овладении представителями русской национальности языков тех народов, на территории которых они проживают».

Свидетельством глубинного, органического взаимодействия и взаимообогащения языков и культур советского многонационального общества являются и слова, пришедшие в русский язык из национальных языков народов

СССР. Это такие лексические единицы, как: *хлебороб, дивчина* из украинского; *чайхана, аксакал, арык* от тюркоязычных народов Средней Азии; *тамада, чинара* из кавказских языков.

В общеупотребительном современном русском литературном языке имеется (см. Орфографический словарь русского языка, изд. 19. М., 1982 г.) целый ряд слов молдавского происхождения: *арнаут(ка)* «сорт яровой твердой пшеницы», *брынза* «сыр из овечьего молока», *мамалыга* «крутая каша из кукурузной муки», *дойна* «молдавская лирическая песня» и др.

В русской художественной литературе разных эпох можно обнаружить ряд языковых единиц молдавского происхождения. Это и понятно, ведь более десяти крупнейших русских писателей в разное время побывали и в Кишиневе, и в других местностях Молдавии (А. С. Пушкин, А. Ф. Вельтман, В. И. Даль, Л. Н. Толстой; А. М. Горький, В. Маяковский, И. А. Бунин, не говоря уже о многих советских писателях). Вполне обоснованно А. М. Горький говорил, что «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей» [85, с. 491]. Это еще раз доказывает, что в СССР все народы и их языки полностью равноправны и братски взаимодействуют друг с другом. Современное их состояние представляет яркое свидетельство многовековых взаимоотношений.

Следует особо обратить внимание на то, что имеется и ряд лексических единиц, которые отражают специфические особенности советского образа жизни, те большие преобразования, которые произошли после победы Великого Октября в социальной, экономической, политической и культурной жизни нашей страны. Они выступают как настоящие полпреды первой в мире социалистической страны и входят в лексико-фразеологический состав не только языков народов СССР, но и зарубежных. Ср. *колхоз, совхоз, спутник* и т. п.

Звучат во всех концах планеты /Без перевода, как Москва/ Большевики, Октябрь, Советы/Мир, спутник — русские слова (А. Твардовский).

Взаимообогащение и сближение, интернациональное звучание культуры советского народа проходит через расцвет национальных духовных ценностей. Язык каждой братской социалистической нации является средством осмысления и выражения всего многообразия жизни многонационального и многоязычного советского народа. Бо-

гатство русского языка диктует творческий поиск необходимых слов и словосочетаний в каждом национальном языке [86].

Огромный опыт Советской страны в социально-политическом, экономическом и культурном строительстве касается в значительной степени и развития национальных языков. Более 40 народов СССР обрели письменность после установления Советской власти. Многотысячными тиражами издаются периодические издания и книги национальных писателей. На национальных языках ведутся передачи по радио и телевидению. В больших трудах исследуются лексико-фразеологические и фонетико-грамматические особенности этих языков. Пятитомная коллективная работа (более 250 издательских листов) под названием «Языки народов СССР» была издана в Москве в 1966—1968 гг. В этом труде подробно анализируются процессы развития и процветания национальных языков советских народов, в том числе и молдавского. В настоящее время начато еще более масштабное энциклопедическое исследование «Языки мира», которое намечено издавать объемом не менее 900 авторских листов.

Таким образом, вопросам развития языков, самых разных, и малых и больших народов в Советском Союзе уделяется самое пристальное внимание. В период НТР, когда происходит настоящий информационный взрыв, любой национальный язык должен найти адекватные средства отражения достижений научно-технического и культурного прогресса.

Молдавский язык, как и все остальные языки советских народов, с честью выполняет эту функцию.

Насущной задачей развития молдавского языка на современном этапе является стилистическая дифференциация, дозировка и применение экспрессивных средств в соответствии с необходимостью общения, а также поднятие ее на уровень современности. В языковой практике наших дней все еще наблюдаются всякого рода преувеличения, «шараханье» из одной крайности в другую — то погоня за иноязычными языковыми средствами, непонятными или малопонятными, которые используются неадекватно, не там, где нужно, то применение лингвистических средств, не входящих в норму литературного языка, носящих узкодиалектальный характер, и потому также непонятных для большинства говорящих на молдавском языке.

После всего сказанного, думается, что тебе, дорогой читатель, стало ясно, какой исторический путь прошел молдавский язык и в каком направлении развивается он на современном этапе.

Образование новых лексико-фразеологических единиц на основе собственных морфологических ресурсов, распространение советизмов, семантическое развитие некоторых слов, внедрение научно-технической и общественно-политической терминологии в широкий коммуникативный оборот, новые заимствования и кальки, особенно за счет русского языка, — все это подняло молдавский язык на высшую ступень развития. Теперь он наравне с самыми развитыми языками СССР и всего мира в состоянии выражать все необходимые понятия научно-технического и культурного развития современного мира. Намного расширился круг активных носителей художественно-литературного аспекта в результате осуществления всеобщего обязательного среднего образования, преподавания молдавского языка в школах, а также воздействия всех средств массовой информации.

Осуществляя ленинскую национальную политику, КПСС и Советское правительство создали и молдавскому, как и всем другим языкам народов нашей страны, все условия для того, чтобы он обогащался и усовершенствовался, идя в ногу с развитием общества.

Таким образом, в современных условиях молдавский является языком школы, искусства, науки, техники, общественно-политической жизни. Он действительно является национальной формой молдавской социалистической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Капитал, т. I. Предисловие к первому изданию. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
2. *Энгельс Ф.* Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т .19.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9.
4. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Полю Лафаргу в Париж. Лондон, 16 февраля, 1887 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36.
5. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Иоану Нэдежде в Яссы. Лондон, 4 января, 1888. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37.
6. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 г.) — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12.
7. Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946.
8. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24.
9. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 4. М., 1974.
10. *Брежнев Л. И.* Интернационализм на деле. М., 1982.
11. *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
12. История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965.
13. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. Т. VI. СПб, 1819.
14. *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
15. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. X. М., 1947.
16. *Гете И. В.* Собр. соч.,, т. 10. М., 1980.
17. *Корлэтяну Н. Г.* Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974.
18. *Сергиевский М. В.* Проблема диалектальности вульгарной латыни. — Вестник МГУ, 1946, № 1; *Широкова А. В.* Сравнительно-историческая фонетика романских языков (Ареалы Галлии и Балкан). М., 1981, с. 7—16.
19. *Paribeni P.* Optimus Princeps. Messina, 1926.
20. *Бородина М., Малькевич Б.* В. Ф. Шишмарев о романских поселениях в СССР. — Лимба ши литература молдовеняскэ, 1965, № 3.
21. *Densuşianu N.* Dacia preistorică. Bucureşti, 1913.
22. *Philippide A.* Originea românilor, vol. II. Iaşi, 1927.
23. *Lot F.* Les invasions des barbares et le peuplement de l'Europe. Paris, 1937.
24. *Шишмарев В. Ф.* Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. — В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953.

25. *Drăganu N.* Catehismul din manuscrisul de la 1719 al lui S. Amelio. — In: Făt-frumos, 1926, I, p. 38. *Piccilo Giuseppe.* Il „Vocabulario italiano-muldavo", di Silvestri Amelio (1719). — In: SCL, 1980, N 2, p. 179—186.
26. *Боткин С. П.* Письма из Болгарии. СПб, 1893.
27. *Densusianu O.* Histoire de la langue roumaine. T. I. Paris, 1901; *Bordan I.* Insemnătatea studiilor slave pentru români. Bucureşti, 1894, p. 20—30; *Iorga N.* Geschichte des rumänoschen Bölkes, I. Gotha, 1905, S. 109—120; *Iorga N.* Istoria poporului românesc, Bucureşti, 1922, p. 152—166.
28. *Gamillscheg E.* Uber die Herkunft der Rumänen. — In: Jahrbuch der Preussischen Akademie der Wissenscheft zu Berlin, 1940.
29. *Puşcariu S.* Limba română, vol. I. Bucureşti, 1940.
30. *Bîrlea O.* Folclorul românesc, I. Bucureşti, 1981.
31. *Сергиевский М. В.* Проблема происхождения молдавского языка в свете данных языкознания. — Ученые записки, т. I, 1948/Молдавская научно-исследовательская база АН СССР. Институт истории, языка и литературы.
32. *Гавранек Б.* К проблематике смещения языков. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. VI. М., 1972.
33. Цитируется по книге: Новое в лингвистике, вып. VI. М., 1972.
34. *Крянгэ Ион.* Избранное. Кишинев, 1957.
35. *Руссо Алеку.* Опере алесе. Кишинэу, 1955.
36. *Wartburg W. von.* Die Ausgliederung der romanischen Sprachraume. Bern, 1950; *Phister M.* Le superstrat germanique dans les langues romanes. — In.: XIV Congresso internazionale di Linguistica e Filologia Romanîa. Napoli, Atti, vol I, Napoli-Amsterdam, 1978, p. 49—97. На XIV международном конгрессе по романской лингвистике и филологии (Неаполь, 1974 г.) известный романист Макс Пфистер представил один из основных докладов на тему «Германский суперстрат в романских языках». Основным периодом формирования западногерманских языков М. Пфистер считает V—IX вв. Германский лингвистический суперстрат содействовал дифференциации романских языков (французский, окситанский, франко-провансальский, итальянский). Германские нашественники создали благоприятные политические условия во всей Романии для языкового расчленения, усилили предпосылки для самостоятельного развития бывших римских провинций, которые вышли из под языкового влияния Рима. Таким путем создавались самостоятельные романские языки. Автор базирует свои доводы на географическом распространении германских языковых элементов. Анализируется влияние готского, бургундского, франкского, ломбардского суперстрата на формирование упомянутых романских языков.
37. *Ivănescu G.* Istoria limbii române. Iaşi, 1980.
38. *Diez F.* Romanische Wortschopfung. Bonn, 1875. *Pisani V.* Geolingvistica e indoeuropeo. Roma, 1940.
39. *Petrovici Em.* Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremde Einflusse umgestaltat werden. Zum slawischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem. Haag, 1957.
40. *Meyer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1890.
41. *Puşcariu S.* Morfonemul şi economia limbii. — In: Dacoromania, VI. Bucureşti, 1931.
42. *Корлэтяну Н. Г.* Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Лексиколожня. Кишинэу, 1982.

43. *Iordan I.* Dos estudios de linguistica románica. Montevideo, 1964.
44. *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch, 5-te Auflage. Heidelberg, 1972; *Bloch O., Wartburg, W. von.* Dictionnaire étymologiqua de la langue française. Paris, 1964; *Gioranesco.* Diccionario Etimológico Rumano. Universidad de la Laguna. Fascicolo 1—7—1958—1966; Скурт дикционар етимолоджик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978.
45. *Alonso A.* Estudios linguisticos. Madrid, 1951.
46. *Puşcariu S.* Cercetări şi studii. Bucureşti. 1974. Ср.: *W. Meyer-Lübke.* Romanisch und Rumänisch. Bucureşti, 1930.
47. *Petrovici E.* Unele probleme de dialectologie şi geografie lingvistică. — Limba română, 1954, № 1.
48. *Garur Al.* Studii de lingvistică. Bucureşti, 1955, p. 127; *Graur Al.* Dialectele limbii române. — Limba română, 1956, № 4, p. 66—69; *Iordan I.* Introducere în lingvistica romanică. Bucureşti, 1957, p. 56; *Cazacu B.* Studii de dialectologie română. Bucureşti, 1966, p. 24; *Duchaček O.* Vvedaní do romanského jazykozpytu, I—II. Praha, 1956—1958.
49. *Тронский И. М.* Очерки по истории латинского языка. М.; Л., 1953, с. 252; *Агаян Э. Б.* Введение в языкознание /Под ред. Б. А. Серебренникова. Ереван, 1960, с. 548; История французского языка /Под ред. Н. М. Васильевой. М., 1963, с. 14; Романские языки /Под ред. М. С. Гурычевой, Н. А. Катагощиной. М., 1965; См. также: БСЭ, изд. 2, т. 24. М., 1958, с. 356; т. 36, с. 652; БСЭ, новое издание, т. 16. М., 1974; *Корлэтяну Н. Г.* Исследование народной латыни, с. 97.
50. *Macrea D.* Despre dialectele limbii române. — Limba română, 1956, № 1; *Macrea D.* Cîteva precizări în legătură cu problema dialectelor limbii române. — Limba română, 1956, N 4; *Taglivani C.* Le origine delle lingue neolatine, 4. edizione. Bologna, 1954, p. 300—315; См. также [37, с. 30].
51. *Rosetti Al.* Istoria cuvintelor. — Jn: Studii şi cercetări lingvistice, XXVI, 1975, № 1, p. 61, XXVIII.
52. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, том II. М., 1967.
53. *Iordan I.* Numele Moldovei. — In: Viaţa românescă, an. XII, vol. XLII, 1920, p. 274—276; *Iordan I.* Toponimia românească. Bucureşti, 1963.
54. *Еремия А.* Нуме де локалитэць. Кишинэу, 1970.
55. *Уреке Григоре.* Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971.
56. *Корлэтяну Н. Г.* Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Вол. 1. Лексиколоджия. Кишинэу, 1969.
57. *Гете.* Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XI. Путешествие в Италию. М., 1935.
58. Analele ştiinţifice ale Universităţii „Al. I. Cuza" din Iaşi. Serie nouă. Secţ. III. Lingvistică, t. XX, 1974.
59. *Gubernatis A. de.* Dizionario biografico degli scrittori contemporanei. Firenze, 1879. Затем этот словарь переработанный в двух томах вышел на французском языке: Dictionnaire international des écrivains du jour. Firenze, 1888—1890.
60. Grand Larousse encyclopédique en dix volumes. Tome 7. Paris, 1963.
61. Начертание правил валахо-молдавской грамматики, составленное Я. Гинкуловым. Спб, 1840.
62. Borşci A. T. Dicţionarul moldovenesc-rusesc al lui Iacov Ghinculov. — In: Cercetări de lingvistică, III. Cluj, 1958 (Supliment).

63. *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин и народное творчество Молдавии и Валахии. — В кн.: Из истории литературных связей XIX в. М., 1962.
64. *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. I. М., 1951.
65. *Цявловский М. А.* Из пушкинианы П. И. Бартенева. Летописи государственного литературного музея. Кн. I. Пушкин. М., 1936.
66. *Балдескул А.* Русеск-молдовенеск кувынтелник. Одесса, 1896; *Кодряну Г.* Дикционар ын скурт пентру конворбирь русо-молдовенешть. Кишинэу, 1899; 2-е издание — 1904; *Кодряну Г.* Русеск-молдовенеск ши молдовенеск-русеск кувынтелник. Кишинэу, 1911; *Чакир М.* Русеск ши молдовенеск кувынтелник. Кишинэу, 1907—1909; *Сакарь М.* Русско-молдавский словарь. Кишинев, 1907.
67. *Гейзенберг В.* Физика и философия. М., 1963.
68. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
69. *Даниленко В. П.* Лексико-синтаксические и грамматические особенности слов-терминов. — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971.
70. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
71. *Форд К.* Мир элементарных частиц. М., 1965.
72. *Виноградов В. В.* Заметки о стилистике современной литературы. — Литературная газета, 19 окт. 1965.
73. *Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
74. Дикционар техник рус-молдовенеск. Кишинэу, 1967; Дикционар физик рус-молдовенеск. Кишинэу, 1967.
75. *Хашдеу Б. П.* Опере алесе. Кишинэу, 1967.
76. Русско-молдавский сельскохозяйственный словарь. Кишинев, 1971.
77. *Павел В.* Терминоложия агриколэ молдовеняскэ. Кишинэу, 1973.
78. Советская Молдавия за 40 лет. Статистический сборник. Кишинев, 1964, с. 136—137.
79. *Наку М. Ф., Подико М. В.* Русско-молдавский словарь общественно-политических терминов. Кишинев, 1980.
80. Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
81. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. Т. I. М., 1974.
82. Молдавская Советская Социалистическая Республика. Кишинев, 1979.
83. *Вандриес Ж.* Язык/Рус. пер. М., 1937.
84. Журнал «Русская речь», 1978, № 2.
85. *Горький А. М.* Собр. соч., в 30-ти т. Т. 24. М., 1953.
86. Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. М., 1981; Язык в развитом социалистическом обществе. М., 1982.
87. История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 3

I. МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИСТОРИЯ 10

Среди романских языков 10

Славянское воздействие 17

Языковой субстрат 19

Снова о суперстрате 20

На пути к полной самостоятельности 31

Этноним *молдован* 33

Некоторые хронологические данные . . . 36

II. МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННОСТЬ 45

Научно-техническая терминология . 47

Сельскохозяйственная терминология . 57

Общественно-политическая терминология . . 66

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ РАВНОПРАВНЫХ ЯЗЫКОВ (Заключение) 75

ЛИТЕРАТУРА 82

Николай Григорьевич Корлэтяну

МОЛДАВСКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР

Редактор *И. И. Кондря*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *В. И. Мериакре*
Корректоры *Е. Е. Бойку, Л. Г. Руссу*

ИБ № 2271

Сдано в набор 17.06.83.
Подписано к печати 19.08.83. АБ03784.
Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1.
Литературная гарнитура. Печать высокая.
Усл. печ. л. 4,62. Усл. кр.-отт. 4,9.
Уч.-изд. л. 4,76.
Тираж 1450. Заказ 616. Цена 20 коп.
Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. акад. Я. С. Гросула, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, ул. Берзарина, 8.

Замеченные опечатки

страница	Напечатано	Следует читать
12, 7-я строчка снизу	в 12 г.	в 112 г.
19, 14-я строчка снизу	[22, с 109]	[33, с. 109]
21, 16-я строчка снизу	dumes	dumesticus
33, 2-я строчка сверху	[81, с. 13]	[80, с. 13]
34, 8-я строчка сверху	в 1746 г.	в 1716 г.
35, 21-я строчка снизу	[53, с. 642]	[52, с. 642]
38, 12-я строчка снизу	(1432 г.)	(1439 г.)
40, 19-я строчка сверху	Михай Стилбицки	Михай Стрилбицки
40, 22-я строчка сверху	Амфилохие Хотинул	Амфилохие Хотиниул
66, 13-я строчка сверху	[67]	[77]
75, 10-я строчка сверху	[70]	[80]

Н. Г. Корлэтяну Зак. № 616.

20 коп.

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1983